

СНАЙПЕР

Дмитрий Силлов

ЗАКОН ХАБАРА

Снайпер Дмитрий Силлов

Дмитрий Силлов

Закон хабара

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Силлов Д. О.

Закон хабара / Д. О. Силлов — «Издательство АСТ»,
2023 — (Снайпер Дмитрий Силлов)

ISBN 978-5-17-151197-5

Много кто пытался убить Снайпера, однако ни у кого не получилось... Но вот в Чернобыльскую Зону приходит таинственный киллер, навыки которого ничуть не хуже, чем у знаменитого сталкера. И стреляет он отлично, и искусство маскировки у него на высоте, и всегда он словно заранее знает, что предпримет его противник в очередной раз. А еще у этого профессионала, получившего задание любой ценой уничтожить Снайпера, есть нож, способный, как и знаменитая «Бритва», рассекать границы между мирами...

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-151197-5

© Силлов Д. О., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Хронология романов о Снайпере	6
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дмитрий Силлов Закон хабара

СНАЙПЕР

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Иллюстрация – Дарья Родионова

© Силлов Д. О., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Хронология романов о Снайпере

СТАЛКЕР. Закон проклятого
СТАЛКЕР. Закон Зоны
СНАЙПЕР. Закон юга
СТАЛКЕР. Закон стрелка
СТАЛКЕР. Закон шрама
СНАЙПЕР. Закон Северо-Запада
КРЕМЛЬ 2222. Север
КРЕМЛЬ 2222. МКАД
КРЕМЛЬ 2222. Сталкер
РОЗА МИРОВ. Закон дракона
СТАЛКЕР. Закон Шухарта
РОЗА МИРОВ. Побратим смерти
СНАЙПЕР. Закон Хармонта
КРЕМЛЬ 2222. Петербург
КРЕМЛЬ 2222. Шереметьево
СТАЛКЕР. Закон «дегтярева»
СТАЛКЕР. Закон Призрака
СТАЛКЕР. Закон клыка
СТАЛКЕР. Закон долга
СТАЛКЕР. Закон свободы
СТАЛКЕР. Закон монолита
СНАЙПЕР. Закон столицы
СТАЛКЕР. Закон сталкера
СТАЛКЕР. Закон торговца
СТАЛКЕР. Закон крови
СТАЛКЕР. Закон Охотника
СТАЛКЕР. Закон Припяти
СТАЛКЕР. Закон якудзы
СТАЛКЕР. Закон лесника
СТАЛКЕР. Закон выживших
СТАЛКЕР. Закон бандита
СТАЛКЕР. Закон Черного сталкера
СТАЛКЕР. Закон Чернобыля
СТАЛКЕР. Закон мутанта
СНАЙПЕР. Закон войны
СТАЛКЕР. Закон затона
СНАЙПЕР. Закон меча
СНАЙПЕР. Закон Кремля
СТАЛКЕР. Закон «Бритвы»
СТАЛКЕР. Закон Фукусимы
СНАЙПЕР. Закон хабара

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемеше, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения, за ценные советы;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калинцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Елизарова, Алексея Загребельного, Татьяну «Джинни» Соколову, Дениса «Морфин» Пинчука, Алексея «Медведь» Медведева, Дмитрия «Шаман» Молева, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте» за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «СНАЙПЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

Странное это ощущение – чувствовать себя богатым.

Только что ты был никем и звать тебя никак, и вдруг узнаешь, что ты миллионер, владелец особняка с видом на Токийский залив, а также обладатель японского паспорта, то есть полноправный гражданин Страны восходящего солнца. Случилось так, что я ненароком выполнил задание влиятельного клана якудза, при этом одновременно подсобив одной подпольной организации свергнуть правительство подземного города – и меня благодетельствовали и те и другие.

И вот сижу я, значит, за столиком ресторана, осознаю произошедшее и тихо от него офигеваю. Когда ты нищий и один против всех, мир представляется эдакой темно-серой живой глыбой, нависшей над тобой. Дернись неловко – и обрушится она, придавит своей многотонной массой, словно муравья.

Но как только у тебя появляются серьезные деньги, внезапно ты начинаешь осознавать себя стоящим на вершине этой глыбы. Дышится легко, черная тень на тебя уже не давит, новые горизонты с высоты открываются. Мысли приходят на тему «а не послать ли все к чертям крυσособачьим? Осесть в домике не у речки, а у японского залива, где от тварей и сволочей разных можно отгородиться четырехметровым забором». Кстати, и правда, может, съездить в этот свой особняк? Хотя бы затем, чтоб забор тот заказать на всякий случай – если, конечно, его там нет...

Вновь из недр ресторана возникла официантка. Подошла, поклонилась. Промурлыкала по-японски:

– Такси ждет вас у выхода, господин.

– Да, я помню, – сказал я на том же языке, сгребая документы со стола и запихивая их во внутренний карман своей потрепанной сталкерской куртки, которую я привез еще из Чернобыльской Зоны. И улыбнулся. Девушка была довольно милой, грех не улыбнуться, хотя я уже и не помню, когда это делал в последний раз, – аж щеки заныли с непривычки.

– А вы не будете против, если я вам оставлю чаевые? – спросил я. – Скажем, миллион-другой иен.

Девушка закаменела лицом.

– В Японии не принято оставлять чаевые, – сказала она голосом механической куклы. – Предлагая честной девушке такие деньги, вы поступаете некрасиво и противозаконно. Уходите, господин, иначе я буду вынуждена вызвать полицию.

Мысленно обозвав себя дебилом, я встал из-за стола, бормоча извинения... и внезапно почувствовал, что у меня адски зачесалась спина. Омерзительное ощущение, будто позвоночник зажил своей жизнью и решил изнутри пощекотать своими отростками мое мясо между лопаток.

И я прекрасно знал, что это такое.

Когда годами шляешься по различным Зонам Розы Миров, начинаешь чувствовать, когда в тебя целятся. И ощущение от этого именно такое – точечный кожный зуд в том месте, на которое пристально смотрит стрелок вверх прицельной планки или в перекрестие оптики. Не знаю, с чем это связано. Может, со знаменитой сталкерской чуйкой, которая вырабатывается в той или иной степени у тех, кто умудряется долгое время выживать в аномальных Зонах. А может, от природы многие люди обладают такой чувствительностью, просто в них редко целятся, вот они об этом и не знают.

В меня целились часто, потому сейчас я точно знал – это не вошь меня куснула в хребтину. Это какая-то падла взяла меня на мушку и вот-вот нажмет на спусковой крючок...

В таких случаях думать вредно. Тут если начать размышлять, то обязательно оглянешься, пытаясь рассмотреть, кто ж там тобой столь вдумчиво заинтересовался, – и тогда точно поймешь тушкой свинцовую пилюлю. Потому, коль случилось такое, лучше довериться рефлексам, если, конечно, таковые имеются...

Я в подобных случаях однозначно им доверяю, иначе б давно мои останки гнили где-нибудь в сырых подвалах Припяти, – и потому позволяю своему опытному сталкерскому телу делать то, что оно сочтет нужным. Правда, сейчас я краем сознания немного удивился тому, что это мое опытное тело схватило со стола хаси – палочки для еды. Хорошие, конечно, они, из тяжелого дерева, покрыты затейливым узором, но как-то не время сейчас воровать из ресторана сувениры на память...

А тело мое тем временем действовало само по себе, быстрее мыслей, которые могли бы возникнуть у меня по поводу происходящего. Резко отклонилось в сторону, одновременно веретенем разворачиваясь на сто восемьдесят... При этом рука моя неподвижно зависла в воздухе, пока тело сворачивалось наподобие пружины, а мое личное время замедлялось, как часто бывает со мной в минуты смертельной опасности...

И когда разворот этот был почти закончен, в поле моего зрения попал он. Самый обычный с виду, невзрачный японец в недорогом офисном костюме, который сейчас стоял возле своего столика, правильно расставив ноги, и вполне профессионально удерживал в обеих руках пистолет с глушителем. Думаю, мое неожиданное стремительное вращение слегка сбilo стрелка с толку, потому он немного поторопился... Ствол пистолета дернулся, но я уже знал, что пуля пройдет мимо.

А вот то, что сделала моя зависшая в воздухе конечность, было для меня в новинку.

Оказавшаяся в процессе вращения чуть ли не на затылке, моя рука вдруг стремительно распрямилась, и я успел заметить, как в сторону стрелка летят две палочки для еды, от скорости слегка расплывшиеся в воздухе.

Странно это, как бы со стороны наблюдать будто в замедленной съемке, что вытворяет твое тело без какого-либо участия разума, словно само по себе. Но еще более удивительно видеть, как оно исполняет то, что мне вообще не свойственно. С метанием ножей у меня всегда было неважно, а уж чтоб прицельно швырнуть две тонкие деревяшки – это для меня вообще за гранью.

Но мое тело это сделало! И прежде, чем оно грохнулось на пол, я увидел, как обе хаши, слегка заляпанные соусом, аккуратно так вошли в глаза стрелка, будто две невидимые руки их туда определили с исключительной точностью.

Когда человеку повреждают глаза – это не только больно. Это страшно. Ужас накрывает безумный, так как для любого живого существа лучше лишиться жизни, чем потерять зрение. Не зря же многие методики экспресс-допросов освоены именно на угрозе ослепления. В общем, завыл стрелок, пистолет бросил, замер на месте, к лицу потянулся медленно, боясь растревожить сильнее и без того нешуточную боль.

А я, резко вскочив с пола, обернулся, так как позади себя услышал всхлип...

И увидел официантку, на белой блузке которой стремительно расплывалось алое пятно. Слишком быстро для того, чтобы у девушки был шанс выжить: когда пуля перебивает одну из коронарных артерий, это как водопровод перерубить. Кровь вытекает потоком, но сердце пока что бьется, толчками выплескивая из раны уходящую жизнь. Официантка еще стояла, слезы текли по ее щекам, но она уже знала, что жить ей осталось считанные секунды. Умиравший всегда знает, сколько ему осталось. Я умирал, я в курсе, что чувствует человек на пороге смерти.

А еще у меня самого сердце сжалось так, что впору заорать от боли. Потому что это я был виноват в смерти девушки, которая приняла в себя мою пулю. Мои рефлексy спасли меня, но убили ее. Прости, милая, если сможешь. Сейчас ты меня уже не услышишь, так как пелена смерти стремительно туманит твой взгляд, и через мгновение ты рухнешь бездыханной на этот пол, залитый твоей кровью. Но когда-нибудь мы непременно встретимся в стране Токоё¹, и я вновь повторю: прости, если сможешь...

Я много смертей повидал на своем веку, но эта – зацепила больно, будто это в меня пуля попала и, кувыряясь в моей плоти, все перевернула внутри. Я взревел так, что у самого аж уши заложило. Неведомая сила бросила меня вперед, к стрелку, приподняла в воздух – и в прыжке я ударил. Ногой по этим самым палочкам-хаши, торчащим из глаз убийцы. Я прям через подошву ощутил, как они, ломая слезные кости, с хрустом входят в мозг – а может, я себе это вообразил, так как очень хотел почувствовать, как мой удар убивает того, кто жить не достоин. Очередную нечисть, без которой планета станет немного чище.

Стрелок от страшного удара упал спиной на столик, сломал его и в облаке обломков колкого пластика рухнул на пол. Его пиджак и рубашка не выдержали мощного рывка, во все стороны полетели пуговицы, и на обнажившейся груди стрелка я увидел татуировку, похожую на прямоугольную гарду меча ниндзя, – знак клана Ямагути-гуми.

Что ж, все моментально встало на свои места. Клан выполнил обязательства передо мной, поступил честно – по их меркам, разумеется. И теперь ничто не мешало клану меня зачистить, ведь новое руководство Ямагути-гуми не обещало мне оставить меня в живых. Расплатились сполна, подождали, пока я осознаю это, и дали команду на зачистку. Очень по-японски. Небось, сидят сейчас наверху, в пентхаусе своего небоскреба, попивают сакэ из антикварной посуды и тащатся от того, насколько они благородные.

Все это промелькнуло в моей голове, пока я совершал кувырок в сторону стрелка, бьющегося в агонии. Потому что из-за соседних столиков вставали другие убийцы, вытаскивая из кобур скрытого ношения пистолеты с глушителями – такие же, как у незадачливого киллера, из глазниц которого торчали палочки для еды, вбитые в череп на три четверти своей длины.

Я схватил пистолет, валяющийся на полу, и вlepил пулю прямо в лоб стрелку, пытающемуся поймать меня на мушку. Ты не в тире, родной. Когда пытаешься убить сталкера, целиться надо быстрее.

Правда, после этого пришлось срочно перекатиться еще раз, так как в то место, где я только что лежал, ударили сразу две пули. Честно говоря, елозить спиной по осколкам пласти-

¹ Страна Токоё – «страна вечного мира». Мир смерти, в представлениях древних японцев находящийся далеко за морем.

кового стола занятие довольно болезненное. Но если сравнивать эти ощущения с пулей, врывающейся в твою тушку, то хрен с ним, потерплю, благо сталкерская куртка одежда толстая, рассчитанная и на более крутые передраги.

По полу застучали подошвы – киллеры потеряли меня из виду, так как я под стол закатился. Побежали в мою сторону, стреляя в этот стол...

Это они зря, так как я ужом уже под другой заполз. И, скрючившись под ним, выстрелил четыре раза. Два по ногам и – когда жаждущие моей смерти убийцы попадали на пол – по головам.

Вроде все.

М-да. Можно, конечно, пожать плечами, мол, и кого только в якудзу набирают? Дилетантов каких-то. А можно объективно признать, что сегодня мне просто повезло. Один стрелок решил, что он круче остальных, и, получив приказ открыть огонь, начал стрелять на пару мгновений раньше других... Не реши он выпендриться и начни эти трое стрелять одновременно, никакая сталкерская чуйка меня бы не спасла. От одной пули при моих навыках еще, может, и реально уклониться. Но уйти от трех, выпущенных одновременно из разных точек, – это уже из области совершенно ненаучной фантастики.

Я вскочил на ноги. Блин...

По ходу, это уже прям моя визитная карточка – трупы, лужи крови, разломанная мебель, пробитые пулями стекла витрин... Кто-то картины рисует, кто-то дома строит. А я – убиваю живых существ, разрушаю чьи-то судьбы и порой даже уничтожаю целые вселенные. И на фига мне сдалось такое Предназначение? Вон девчонка лежит, мертвая, открытые глаза смотрят в пустоту. Не было б меня, так бы и работала официанткой, замуж вышла, детей нарожала...

Стоп.

Пока я ее пустые глаза рассматривал, оказывается, краем глаза еще что-то уловил. А именно – буквально на полсантиметра высунувшуюся из-под ее окровавленной блузки рукоять пистолета. Если не приглядываться, и не заметишь. А заметив, не сразу осознаешь, что возле небоскреба клана Ямагути-гуми вряд ли есть хоть одно заведение, в котором работают не члены якудзы. Скорее всего, аккуратно пристрелила б меня в затылок, когда я направился бы к выходу из ресторана, – не зря ж дважды напомнила, что мне пора уходить, но все карты спутал выскочка-дублер, решивший отличиться. В таком случае что же за такси ждет меня возле выхода?

Додумать я не успел. На поле боя думать вообще вредно, иначе будет как сейчас со мной...

Первая пуля прилетела с улицы, ударила в витрину ресторана, разнеся ее на тысячи осколков. Это только в плохом кино снайперы стреляют сквозь стекла и той же пулей поражают цель. При ударе в стекло пуля либо разлетается на фрагменты, либо, деформированная, меняет траекторию. Потому, стреляя сквозь прозрачную преграду, за которой маячит цель, хороший снайпер жмет на спуск дважды. Первая пуля – для стекла, вторая – для цели.

Витрина еще осыпалась на пол сверкающим дождем, а я уже понял, откуда работает снайпер. Разумеется, из люльки мойщика окон, висящей в районе пятого этажа соседнего здания.

Достать его из пистолета с четырехсот метров было задачей нереальной. Потому оставалось только одно.

Я ринулся к выходу из ресторана, петляя между столиками и мысленно стараясь поймать своей внутренней чуйкой линию прицела, которую сейчас выстраивал снайпер между оптикой своей винтовки и той точкой, в которой окажется моя тушка после того, как пуля покинет канал ствола и пролетит через улицу. Это называется упреждение, и искусство хорошего стрелка состоит в том, чтобы верно рассчитать ту самую точку, в которой бегущая цель встретится со своей смертью.

И оно случилось!

Я не увидел, да это было и невозможно. Я прям позвоночником, всем своим существом почувствовал, как снайпер на середине своего выдоха плавно нажимает на спуск, – и резко остановился. Там, в люльке, еле слышно хлопнуло, словно кто-то за полкилометра кому-то пощечину отвесил. Ночная улица утробно урчала двигателями автомобилей – в Токио ночью движение почти такое же оживленное, как и днем, – но я все равно тот хлопок услышал. Ухо, в которое должна влететь пуля, в таких случаях обретает слух просто феноменальный.

А потом я ту пулю еще и увидел. Точнее, не ее саму, а инверсионный след от нее, преломление света в воздухе, который свинцовый цилиндр рассек в двадцати сантиметрах от моего носа. Эффект мгновенный, но достаточный, чтобы понять – стрелок на той стороне улицы хорошо знал свое дело. И будь на моем месте кто-то другой, он бы уже падал сейчас на пол, заляпанный чужой кровью, дополнительно обильно поливая его своей.

Но я тоже неплохо знал наше с тем снайпером общее дело. Потому, не дожидаясь следующего выстрела, рванул с места, перекатился, «гусиным шагом» прошел вдоль бокового ряда столов и стульев, прикрывших меня от стрелка, одновременно стреляя из пистолета в стеклянную дверь ресторана: четыре пули в углы, две по центру и следом – бросок пустым, но все равно тяжелым пистолетом в надежное стекло японского качества, не желающее разбиваться.

Сработало. Разбитое дверное стекло осыпалось вниз сверкающим каскадом, и следом из ресторана вылетел я, в надежде, что на оживленной ночной улице снайпер стрелять не станет...

Но улица больше не была оживленной. Те прохожие, кто был относительно далеко, при звуке выстрелов бросились бежать. А те, кто находился поблизости, дисциплинированно легли на асфальт, прикрыв руками головы.

Хреново.

На открытой местности я мишень просто замечательная. Можно, конечно, попытаться укрыться за машинами, припаркованными неподалеку, так как правильная винтовочная пуля со стальным сердечником шьет автомобиль насквозь везде, кроме той части, где расположен двигатель. Но за капотом удастся просидеть ровно столько времени, сколько хорошему снайперу потребуется, чтобы сменить магазин с бронебойными пулями на магазин с разрывными – и отработать по бензобаку.

Но тут случилось неожиданное.

Самое обычное с виду желтое такси, стоявшее неподалеку с еле слышно урчащим мотором, двинулось в мою сторону, стремительно набирая скорость. Сперва я подумал, что за рулем тоже сидит член клана Ямагути-гуми, решивший меня сбить, и остро пожалел о пистолете, которого у меня больше не было...

Но я ошибся.

Автомобиль резко тормознул возле меня, от толчка изнутри распахнулась задняя дверь. Вовремя, кстати, – я резко за нее присел, и пуля снайпера снесла лишь капюшон с моей головы, задев за его край.

Особого приглашения я ждать не стал – нырнул внутрь салона, понимая, что вряд ли мне это сильно поможет: сейчас снайпер отработает по машине так, как я предполагаю, ибо это хороший снайпер...

Так и произошло. Машина начала движение и тут же получила удар по корпусу, после которого должен был рвануть бензобак... но не рванул. И легковой автомобиль не вздрогнул после удара винтовочной пули как смертельно раненная лошадь, лишь приглушенный звук по салону разнесся, словно снаружи кто-то со всей силы саданул в бочину такси бейсбольной битой... через подушку.

Значить это могло лишь одно – машина бронирована, причем серьезно. По российскому ГОСТу пятый или шестой класс, если ее винтовочная пуля не берет. Это приятно. О причинах данной приятности можно будет подумать потом, а пока что я упал на сидушку, так как стекла у машины были тонковаты для такого же класса защиты, как корпус, – от силы третий,

а может, и второй, чтоб чрезмерной толщиной бронепакета не озадачивать местную дорожную полицию...

Но тут во всей машине что-то зажужжало, и на фоне этого жужжания прозвучал голос водителя, затылок которого маячил над спинкой переднего сиденья:

– Не беспокойтесь, Координатор, вы в полной безопасности.

И правда, в конструкции этой машины были предусмотрены меры против снайперского обстрела: снизу по стеклам дверей и заднего стекла быстро ползла черная пленка, отливающая металлическим блеском.

– Броневаля нано-штора, – пояснил шофер. – Держит даже выстрел РПГ.

– Неплохо, – оценил я, поднимаясь с широкой задней сидухи и усаживаясь по-человечески. – Теперь, может, объяснитесь? Кто вы такой и почему ныне покойная официантка якудзы столь настойчиво говорила мне о том, что меня ждет такси? Как я понимаю, это были вы.

– Простите, Координатор, но тот таксист, что ждал вас, ликвидирован, а я не уполномочен отвечать на вопросы, – отозвался водитель. – Я лишь должен доставить вас из точки А в точку В.

Понятно. Все-таки меня и вправду ждало такси якудзы, где сидел киллер – которого этот загадочный киллер благополучно зачистил. Обстоятельные японцы в плане моей ликвидации предусмотрели аж четыре уровня – официантка, три посетителя ресторана, снайпер, водитель – и все они благополучно обломались. И как после этого говорить, что моя личная удача от меня отвернулась?

– И что это за точка В, мне, естественно, тоже знать не положено, – произнес я, прикидывая, как мне лучше выбраться из этого бронированного склепа на колесах. От снайпера и таксиста-убийцы этот водитель меня спас, и я был весьма ему за это благодарен, но я очень не люблю, когда меня куда-то везут, не спрашивая, нравится мне это или нет.

По всему выходило, что самое оптимальное – это треснуть водилу кулаком по макушке, и когда он отъедет в мир шоферских грез, перехватить управление, после чего...

– Извините, Координатор, это для вашего же блага, – прервал водитель поток моих мыслей, после чего я почувствовал болезненный укол чуть выше локтя. Вот же блин!

Я рванулся вперед, намереваясь как можно быстрее вырубить водилу, а дальше действовать по ситуации... но понял, что не могу пошевелиться.

– Еще раз мои извинения, – проговорил словоохотливый и до приторности вежливый водитель. – Сейчас автоматический потайной шприц, вмонтированный в сиденье, ввел вам специально разработанный для спецслужб синтетический нейротоксин, практически мгновенно парализующий тело человека. А это старое доброе снотворное.

Второй укол в то же место оказался гораздо более болезненным, чем предыдущий, – оно и понятно, два раза в одно и то же место не колют даже медсестры, втайне склонные к садизму.

Хотелось мне высказать водителю напоследок все, что я о нем думаю, – если не удалось свернуть шею негодяю или хотя бы его ударить, то обматерить его всяко лучше, чем вообще ничего. Хреновое, конечно, моральное удовлетворение, но другого в моем положении все равно не получить.

Но мне и в этом было отказано моим же организмом, не желавшим более повиноваться. Язык одеревенел, челюсть мягко отъехала вниз, веки превратились в бесполезные кожаные пленочки, не желающие опускаться вниз. Лишь мысленные растерянные матюги мерцали в голове, словно затухающие лампочки.

Но вскоре затухли и они в стремительно надвигающемся иссиня-черном мраке небытия...

* * *

Я когда в Зоне просыпаюсь – прям как не ложился. Глаза открыл, а автомат уже в руках лежит, переводчик огня в положении вниз, патрон дослан, и рожа у меня заранее перекошена на всякий случай, чтоб у гипотетического врага от одного моего вида инфаркт приключился.

А когда я не в Зоне, то, проснувшись, вообще несколько секунд не втыкаю, кто я, где я и как меня зовут. Пока глаза протру и фокус наведу – дурак дураком, реально. Спрашивается, откуда мое тело знает, в Зоне я или нет? Ну, это уже точно не ко мне вопрос, а к моей тушке, которая порой ради выживания такое проделывает, что я и сам удивляюсь.

Вот и сейчас, судя по тому, что я из сна вынырнул в состоянии перманентного коматоза, первая мысль, которая меня посетила, была «я не в Зоне». Еще и потому, что руки, на рефлексках ощупывающие пространство рядом, не на автоматное цевье наткнулись, а зарылись в простыню. И как это понимать? Где я? Тюрьма? Больница? Морг? В первом случае это очень комфортабельная тюрьма, с простынями и не провонявшая камерными запахами. В последнем – так себе тема. Если морг хороший и современный, то лежу я в отдельном боксе, смахивающем на стальной гроб, запирающийся снаружи. Может, все-таки больница?

Но зря я на это надеялся. Не сбылось. Продрал я, значит, глаза и увидел противоположную стену с характерной дверью, усиленной стальными полосами и имеющей огромный замок, глазок и «кормушку» – лючок, который в тюрьмах используется для выдачи арестантам посуды с чаем и баландой.

Значит, все-таки тюрьма. Место знакомое, но весьма неприятное. Бывал, знаю. Правда, тюрьма, можно сказать, люксовая. Раковина нормальная, керамическая, не стальная. Чистый унитаз со стульчаком и крышкой, что в камерах не редкость, хотя и чаши «Генуя», то есть просто дырки в полу, тоже в тюрьмах встречаются. И даже небольшой столик с двумя стульями к полу не привинчены. То ли доверяют мне по какой-то причине, что зря – я сам себе иногда не доверяю. То ли имеют скрытые методы воздействия на буйных сталкеров, вроде той иглы с нейротоксином в бронированном автомобиле.

Кстати, о доверии. Вон под потолком какая-то сферическая приبلуда висит. Для простой видеокamеры больно здоровая, и отверстия по всему ее периметру наводят на мысли. Начнешь подкоп рыть или от унитаза бачка осколок в форме ножа откалывать, так, небось, сразу из потолочной прибуды таких иголок с токсинами столько в мою тушку прилетит, что любой дикобраз обзавидуется.

За дверью послышались шаги. За ними команды:

– Отставить. Разблокировать. Не сопровождать.

В районе двери, выглядевшей как обычная тюремная, послышалось шипение, характерное для скрытых замков пневматического действия с подвижными ригелями, при закрытии уходящими глубоко в стену. Интересно. По ходу, от антикварной двери остались лишь внешние стальные обкладки, а внутри нее скрыт навороченный современный запорный механизм. А зачем тогда обкладки оставили? Ностальгия по старым временам, когда надзиратели не разблокировали электронные замки, а отпирали двери большими камерными ключами? Дань истории, так сказать?

Дверь бесшумно отворилась, и порог камеры перешагнул человек, появлению которого я не особенно удивился.

– Опять ты, – скривился я, словно от зубной боли.

– Ага, – сказал Макаренко. – Опять я. Как самочувствие, Координатор?

– Бывало и лучше, – вновь поморщился я. – Все тело ломит, будто меня сюда транспортировали свернутым в рулон.

– Ты не далек от истины, – заметил Макаренко, усаживаясь на стул и закидывая ногу на ногу. – Багажное отделение самолета, отсек для транспортировки животных, контейнер с надписью «мастино на полетано». Извини, но якудза и полиция, что в Японии практически одно и то же, настолько серьезно обыскивали каждый самолет, что нам пришлось проявить чудеса изобретательности, чтобы вывезти тебя из страны.

– Интересно, зачем это я вам опять понадобился? – проворчал я. – Как тебя вижу, так это обязательно к неприятностям.

– Судьба у тебя такая, – пожал плечами Андрей. – Или, если хочешь, Предназначение.

– Давно уже ничего не хочу, – буркнул я. – Ни судьбы этой собачьей, по мирам мотаться и грызть всех, кто под руку попадет, ни Предназначения этого, будь оно неладно.

– Ну-ну, хандрить совершенно ни к чему, – улыбнулся Макаренко. – Пока что у тебя все получалось. Порой криво, часто с косяками, иной раз даже мирового масштаба, но получалось же. Некоторые из твоих миссий наши курсанты изучают как примеры выполнения заданий в условиях, приближенных к невозможным.

– Заданий? – хмыкнул я. – В Японии тоже было задание?

– Да, – просто ответил Андрей. – Не явное, когда сотруднику озвучивается цель операции: мы уже поняли, что это не твой случай – работать на кого-либо даже в статусе свободного агента по особо важным делам. Тебя подвели к операции наши специалисты, и ты справился с ней на отлично. Подземный город отряда семь три один очень нас беспокоил, и ты фактически в одиночку запустил процесс его уничтожения. Жаль, конечно, что в ходе этой миссии погиб агент Савельев, но никакая война не обходится без жертв².

Я невольно скрипнул зубами.

Виктор Савельев по прозвищу Японец умер не по моей вине, но именно мне пришлось нанести последний удар, чтобы прекратить мучения друга. И могу сказать честно: ничего более тяжелого для себя я никогда не совершал. Даже осознавая необходимость, что может быть страшнее, чем убить того, кто не раз спасал тебе жизнь?

А еще я убил его дочь, которую члены клана якудзы Ямагути-гуми превратили в ужасного монстра. Да, там была ситуация «кто кого»: или я пожалею ее и она убьет меня – или же я сделаю то, что должен, освободив ее от тяжкого бремени жить в поистине кошмарном теле. До сих пор не знаю, правильно ли я поступил и действительно ли такая жизнь была ей в тягость. Некоторым нравится быть чудовищами...

– Виктор и его дочь были воинами и умерли как воины, – глухо произнес я. – А еще я не помню, что давал согласие стать вашим агентом, координатором или просто пешкой, которую ваша контора двигает так, как ей заблагорассудится.

– Согласен, – кивнул Макаренко. – Просто когда человек работает на нашу, как ты выразился, контору и делает это хорошо, какая разница, как он называется?

– Полковник, или кто ты там, уйди, а? – попросил я. – Иначе не обессудь, могу не сдержаться.

– Хорошо, я уйду, – сказал Андрей, продолжая сидеть нога на ногу. – Только это не спасет тебя от мыслей о том, что ты убил лучшего друга и его дочь.

Я рывком вскочил с кровати, твердо намереваясь съездить Макаренко по квадратной челюсти, возможно, даже с ноги... но при этом чуть не грохнулся со всего маху мордой в пол. Оказывается, моя левая нога была прикована цепью к ножке кровати, накрепко привинченной к полу. Понятно. Зачем фиксировать стулья, если пациент не сможет до них дотянуться?

– Извини, мера предосторожности, – сказал Андрей. – И, как видишь, не излишняя. Однако скажу: если мы не договоримся, то, как только я выйду отсюда, в тебя выстрелят шпри-

² События, о которых говорит Андрей Макаренко, описаны в романе Дмитрия Силлова «Закон Фукусимы» литературной серии «СТАЛКЕР».

цем со снотворным. Когда ты отрубись, тебя вывезут подальше отсюда и оставят на лавочке в парке какого-нибудь города. В карманах у тебя будет все, что ты вывез из Японии, нам чужого не надо. И ты будешь полностью свободен. Только, с твоего позволения, я займу еще несколько минут твоего времени.

Я молчал.

– Не в курсе, знаешь ты или нет, но твой эксперимент удался – ты вернул к жизни всех своих мертвых друзей. Правда, это привело к локальным катаклизмам в Розе Миров, к счастью, обратимым. Но сейчас мы опасаемся, что ты решишь оживить Виктора и его дочь, и последствия этого оживления для нашего мира не берутся предсказать самые опытные аналитики Комитета. При этом не факт, что у тебя получится задуманное. Поэтому я мог бы предложить тебе следующее. Ты выполняешь одно задание Комитета, а мы помогаем тебе оживить Савельева и его дочь без ущерба для нашей вселенной.

Я молчал.

Макаренко усмехнулся.

– Даже не поинтересуешься, что за задание?

Я продолжал молчать.

Думал...

Во мне боролись два противоречивых чувства. Когда ты уверен, что сам принимаешь решения, а потом узнаешь, что тебя использовали, словно запущенную торпеду, и хотят использовать снова, в душе появляется закономерно паскудное чувство. Но, с другой стороны, меня и правда изрядно коржило от того, что я убил Виктора и Юки. Конечно, можно приплести кучу оправданий тому, что я сделал, но по факту – убил. Вот этими самыми руками... Чисто технически убивать друзей не трудно, не сложнее, чем врагов. Намного труднее потом жить с осознанием того, что сделал... И сейчас этот дьявол с квадратной челюстью вновь искал меня, предлагая действительно заманчивый контракт.

– Что за задание? – выдавил я из себя, усилием воли преодолев гадливое чувство, словно я сейчас по своей воле окунаюсь в чан с дерьмом, из которого только что вылез.

– Думаю, для тебя не особенно сложное, – произнес Макаренко. – Дело в том, что в Чернобыльской Зоне появился Меченосец. Такой же, как ты, потомственный воин древнего клана, борец со злом и нечистью – в его понимании, конечно. То, что мы считаем злом, носитель зла таковым не считает. Для него это справедливость и единственно возможный способ существования. Нечисть тоже, глядя в зеркало, умиляется тому, насколько она прекрасна, а тех, кто пытается ее зачистить, считает кончеными уродами... М-да, что-то я в философию ударился. В общем, тот Меченосец считает других Меченосцев рассадником зла и планомерно их зачищает. При этом уровень личной удачи у него зашкаливающий, сталкерская чуйка и специфические навыки выживания в Зоне – феноменальные, общий уровень боевой подготовки наша аналитическая программа оценила как девяносто три процента из ста возможных.

– Нереально, – покачал я головой. – Программа ошиблась. У живого человека не может быть такой уровень.

– Мы тоже так думали сначала, – кивнул Макаренко. – С учетом, что уровень Савельева – светлая ему память – был восемьдесят два процента, а твой – семьдесят два, это, скорее всего, не человек, а биологическая машина, тем не менее идентифицированная программой как Меченосец.

– Дай угадаю, – сказал я. – Поскольку ваша команда недавно присвоила мне звание Координатора, я должен проникнуть в Чернобыльскую Зону и наставить того Меченосца на путь истинный. После чего, если он меня не замочит с таким-то уровнем, вы каким-то образом умудритесь извлечь ками³ Виктора и Юки из моей «Бритвы» и вселить их в подходящие тела.

³ Ками (яп.) – души людей и предметов, способные к автономному существованию вне тела и обладающие собственным

– Если пренебречь мелкими деталями и твоей вольной трактовкой некоторых терминов, то в целом ты недалек от истины, – кивнул Андрей.

– Зашибись, – сказал я. – А не подскажешь, с какого перепугу я должен тебе верить? Вы использовали меня втемную, подставили под разборки с якудзой, из-за ваших мутных схем я был вынужден убить друга и его дочь, и теперь вы предлагаете мне вновь нырнуть в это болото? Макаренко, скажи откровенно – ты и твоё начальство увидели во мне лоха, которого уже несколько раз обули, и собираетесь сделать это снова?

– Думать ты можешь что угодно, – пожал плечами мой собеседник. – Но выбор у тебя небольшой. Или ты соглашаешься, или отказываешься. Что мне передать руководству?

– Я отказываюсь, – сказал я. – Торпеде надоело плясать под чужую дудку. Так и передай своему руководству.

То, что меня снова пытаются обвести вокруг пальца, было очевидно. Комитет по предотвращению критических ситуаций, как и любая организация такого плана, преследовал только свои цели. И на то, какими средствами они будут достигнуты, им совершенно наплевать. Макаренко в целом был неплохим мужиком, но он был сотрудником Комитета – а значит, если надо, наплетет с три короба, лишь бы выполнить поставленную задачу. Сейчас им нужно завербовать очередного талантливую Меченосца – и при этом очевидно, что их спецы, может, и круты на Большой земле, но в Зоне не выживут и дня. И поэтому меня экстренно доставили из Японии в камеру с надежной железной кроватью, к которой так удобно приковывать строптивых гостей и которую я при всем желании не смогу оторвать от пола. Хотя можно, конечно, дотянуться до цепи и смахнуть ее «Бритвой»... Я прям почувствовал, как внутри моей ладони шевельнулось острое жало кинжала, откованного из редчайшего артефакта и с некоторых пор живущего у меня в руке.

– Не рекомендую, – покачал головой Макаренко, поднимаясь со стула. – При попытке освободиться автоматически последует очень болезненный удар током. Ладно. Не договорились, так не договорились. Бывает.

И вместо того чтобы повернуться и направиться к выходу из камеры, зачем-то сделал шаг в сторону.

Я сперва удивился, мол, с чего это полковник исполняет такие странные па, – но удивлялся недолго. Потому что сферическая приبلуда под потолком хлопнула, словно бутылку шампанского внутри нее открыли, – и я тут же почувствовал болезненный укол в плечо.

«Вот оно что, – пришла запоздалая мысль. – Макаренко просто в сторону отошел, чтоб ему игла в затылок не прилетела. Знал все заранее, сволочь».

А потом тюремная камера резко поплыла у меня перед глазами... но ощущения, что я вырубился, не было. Я знаю, что такое общий наркоз. Лежишь на операционном столе, пялишься в нависшую над тобой хирургическую лампу – и вдруг тебя трясут за плечо и ты слышишь над своей головой голос медсестры:

– Просыпаемся, все закончилось, мы уже в палате.

Сейчас было похожее. Смена кадров. Камера чуток сползла, словно на картину, нарисованную нестойкой краской, плеснули водой, – и вот я уже сижу не на относительно мягкой кровати, а на чем-то твердом. При этом у меня перед глазами колыхалось плотное марево, какое бывает после того, как в пространстве захлопнется «кратовая нора» – межпространственный портал, который можно прорубить моей «Бритвой» либо особыми артефактами, которые очень редко можно найти в Чернобыльской Зоне.

Сознание тоже слегка плыло – ну точно как после наркоза. Тем не менее я успел разглядеть в том уже рассеивающемся мареве два темных удаляющихся силуэта.

«Меня принесли сюда, – пришла вялая мысль, – через межпространственный портал. Только понять бы куда».

А сквозь стремительно рассеивающееся марево уже проступали очертания чего-то очень большого и смутно знакомого. Еще бы немного резкости в плавающей картине мира, которую можно вернуть, сильно сжимая и разжимая веки. Еще бы немного прозрачности в исчезающем зыбком очертании «кротовой норы»...

И тут пришло узнавание! Да так пришло, что ко мне мигом вернулась четкость восприятия окружающего мира, и силы откуда-то появились в теле, после наркоза похожем на студень, растекшийся по старой уличной лавке, на которую меня высадили два типа, уже наверняка вернувшиеся туда, откуда пришли...

Метрах в двухстах от меня, подсвеченное кровавыми лучами восхода, стояло знаменитое колесо обозрения. То самое «чертово колесо», которое должно было быть запущено первого мая тысяча девятьсот восемьдесят шестого года – но так и осталось неподвижным, так как за пять дней до торжественного запуска аттракциона произошла авария на Чернобыльской электростанции.

Можно было, конечно, усомниться – может, это не то колесо? Мало ли в мире ржавых аттракционов такого плана?

Но сомнений не было, и тому было ровно шесть причин. А именно – с кабинок «чертова колеса» свисали шесть трупов в узнаваемой красно-черной униформе группировки «Борг». И не нужно было иметь семи пятей во лбу, чтобы понять, зачем бойцов группировки повесили именно так. Показательная казнь, в результате которой мертвецов развесили на самом видном месте города Припять. Чтоб другим неповадно было.

И развесили мертвецов на колесе, конечно же, бойцы группировки «Воля», примерно такой же по численности и вооружению, как и «Борг». Уже много лет эти две наиболее крупные банды делят в Зоне сферы влияния, планомерно выпиливая личный состав друг друга. Ибо делить на зараженных территориях есть чего.

Прежде всего это, конечно, артефакты – отходы производства соседней вселенной, которые ее жители, прозванные нами «мусорщиками», постоянно вываливают в Зону, словно на свалку. В нашем мире эти артефакты весьма ценятся за их свойства и являются желанным хабаром для сталкеров, готовых рисковать здоровьем и жизнью ради наживы.

При этом здесь, за кордоном, много и других источников нелегального дохода. А именно:

- части тел редких мутантов, за которые можно получить хорошие деньги у ученых и врачей;

- захоронение опасных, в том числе и радиоактивных, отходов, нелегально поставляемых в Зону с Большой земли;

- наемничество – например, когда у боргов или «Воли» начинаются проблемы с численностью личного состава, они бегут к наемникам, чтобы экстренно заполнить бреши в строю свежим от замороженным мясом... Даже группировка специальная есть, наймиты, – пожалуй, самая богатая в этих местах. И самая жестокая – профессия обязывает;

- ну и, конечно, торговля. Торговцы в последнее время в Зоне встречаются довольно часто, больно уж бизнес прибыльный. И купить у них можно что угодно, от охотничьих спичек до шестиствольного гранатомета, только плати. На этом «только плати» вся Зона и держится. Как и весь мир, кстати, которым правит единый и вечный Закон хабара. Все покупается и продается – не только барахло, но и жизнь, совесть, любовь, смерть. Только плати, если чего-то из перечисленного тебе не хватает. Или продай, если что-то из купленного или же случайно полученного даром потеряло для тебя цену...

Все это пронеслось у меня в голове за пару секунд, пока я осознавал очевидное: да, я снова в Зоне. Это просто старая и хорошо известная инфа в мозги прогружалась, которая отошла на второй план, спряталась на чердаке подсознания, пока я наводил шороху в Японии.

А еще я параллельно оценивал, с какой снарягой меня в Зону закинул гребаный Комитет по предотвращению критических ситуаций. Мало того, что даже шмот приличный не дали, впихнули мою тушку в старый, выдавший виды костюм группировки «Воля», так еще лишь пистолет Макарова в карман сунули даже без запасного магазина. Ну, спасибо, полковник Макаренко, век не забуду. И если выживу, непременно навещу тебя для душевной беседы, помяни мое слово.

И вывод из всего этого следующий: чтобы выжить при существующих раскладах, мне придется очень хорошо постараться. Потому что позади меня стрекотали автоматные и пулеметные очереди, слышались хлопки разрывов гранат и крики раненых. Причем звуки боя явно приближались – кто-то стремительно атаковал кого-то, не считаясь с потерями. И с минуты на минуту эта резня должна была выкатиться на площадь аттракционов города Припять, где я восседал на одинокой скамейке, созерцая проржавевшие конструкции. Пока что от нападающих и обороняющихся меня скрывала стена кустов с хилой желтой листвой, но это было ненадолго. С минуты на минуту бой переместится сюда, а тут я такой со своим «пээмом» – здрасте, вы ко мне?

Наконец предельно ясно осознав происходящее, я вскочил со скамейки и ломанулся через площадь, подгоняемый шальными пулями, пару раз свистнувшими над моей головой. Знакомый звук, который очень хорошо стимулирует к поиску надежного укрытия.

Но о надежности говорить не приходилось, потому пришлось обходиться тем, что есть. А именно: рядом с колесом обозрения находилась старая карусель, гораздо более удобная для повешения неугодных, но никто этим удобством не воспользовался. Просто карусель облюбовали развесистые гроздья «мочала», к которым лучше без надобности не приближаться. Но мне надо было где-то укрыться от приближающегося боя, потому я особо привередничать не стал – забежал за карусель и присел за занавеской из аномальных образований, действительно похожих на старые, местами рваные мочалки. Говорят, что аномалии на мутантов менее агрессивно реагируют, чем на людей. Так что самое время проверить, насколько я мутант и как много осталось во мне от человека.

Присел я, значит... и замер, потому что между этими «мочалками» разглядел еще кое-что. Хорошо замаскированное между развесистыми пучками, облепившими старую карусель. Блин, теперь бы понять, где оно притаилось, так хорошо спрятав единственную деталь, по которой можно обнаружить эту смертоносную пакость...

В общем, спрятался я вовремя, так как буквально в следующую секунду на площадь из кустов вывалился боец в таком же костюме, что и у меня, только поновее и залитом кровью с левой стороны. Не удивительно – у парня из раны на шее под ухом била алая струйка в такт ударам сердца. Дальше-на асфальт, ближе-на костюм...

Понятно. Сонную артерию пуля надорвала. Совсем чуть-чуть, потому парень еще на ногах и даже стреляет из автомата куда-то в кусты. Но это ненадолго. Полминуты, может, или меньше, но не больше точно. Потом его силы оставят, упадет он на площадь, раздолбанную временем и взрывами гранат, и останется здесь до ночи. А ночью его мутанты похоронят в своих желудках. Это Зона. Тут чтоб мертвое тело осталось целым, его очень глубоко хоронить надо. Или вешать повыше.

Следом за раненым, отстреливаясь, на площадь выбежали еще восемь бойцов группировки «Воля». У одного голова замотана окровавленной тряпкой, у другого левая рука перетянута поясным ремнем выше локтя, а ниже ошметки мяса болтаются и кость торчит. Крепкий паренек. Другой бы после такого ранения уже валялся в отключке, а этот в правой пистолет держит и даже шмаляет из него по кустам. Бывает такое на адреналине. Потом все равно отрубится, когда отпустит, если обезболивающее со стимуляторами не вколоть.

В кого стреляли вольные, мне отсюда было не видно, но догадаться не сложно. По ходу, зеленые у черно-красных кусок Припяти отжали, быстренько пленных перевешали для устра-

шения, после чего попытались закрепиться на отжатом участке. А боргам это сильно не понравилось. Созвали подкрепление и ломанулись в контрнаступление. Вполне в их стиле. Красно-черные вообще отможенные – не знаю, может, радиоактивные мухоморы жрут перед атакой в стиле викингов. Уж больно у них лица бешеные, когда в атаку идут. Почти уверен, что сейчас я увижу именно их.

И я не ошибся.

Из кустов вырвался борговский авангард – двое бойцов в тяжелых штурмовых экзоскелетах. В руках – пулеметы РПК, из которых они поливали как из брандспойтов. Точность при такой стрельбе так себе, но психологическое воздействие значительное. Ты по нему из своего ручного огнестрела работаешь, а он только дергается от попаданий, будто не пуля со стальным термоупроченным сердечником в него прилетела, а током из розетки стукнуло.

Впрочем, и практический толк от этой стрельбы был. У одного из зеленых, увлеченно стреляющего в живые танки короткими очередями из своего «калаша», внезапно голова взорвалась, словно арбуз, по которому из охотничьего ружья дробью отработали. Надо же, как интересно. То ли патронами с экспансивными пулями борги хреначат, то ли раритетными разрывными, которые в Зоне стоят каждая примерно как моя жизнь. Но боргам ради эффектной победы и золотые боеприпасы не в падлу будет использовать, финансы позволяют. У вольных снабжение из-за кордона похуже, но зато народу в группировке больше – у боргов железная армейская дисциплина с жестокими наказаниями за промахи, и многих новобранцев это отпугивает. Зеленые же шайка более раздолбайская, но в случае грандиозного шухера тоже может вести себя героически.

Как сейчас, например.

Видя, что борги выгнали отряд вольных на площадь, где фактически укрыться негде, зеленый с оторванной рукой пистолет отбросил и, заорав:

– Прикройте меня! – бросился под ноги ближайшему боргу.

Я сразу и не сообразил, с чего это он, сорвав дистанцию, ушел в «мертвую зону» поражения пулемета. Сейчас второй борг развернется и превратит его в решето. Или первый, слегка присев, долбанет раненого прикладом – и привет. Экзоскелет в несколько раз увеличивает силу того, кто в него упакован, так что у однорукого шансов вообще не было ни на что...

Но тут я ошибся.

Раненый резко разогнулся, культей отстреленной руки долбанул по стволу пулемета, немного отведя его в сторону, и, выдернув из разгрузки гранату, прижал ее целой рукой к бронированному стеклу вражьего шлема.

Знаю этот трюк с гранатой, сам так иногда делаю. Если внутри подсумка не пришит специальный ремешок, могу присобачить туда вместо него кусок парашютной стропы, к которому привязываю кольцо гранаты, предварительно разогнув усики. Тогда одной рукой с гранатой работать можно: выдернул резко из подсумка – и бросил без задержек, а кольцо с чекой в подсумке остается на память.

У однорукого, по ходу, в разгрузке то же самое было. И у него еще даже три секунды осталось, чтобы заорать во все горло:

– «Волю» не остановить! За пацанов! – и захохотать во все горло.

А потом граната рванула. Я прям словно в замедленном фильме увидел, как рой осколков снес вольному половину черепа, оставив от головы лишь хохочущий рот, а боргу проломил стекло шлема и вышиб из него веер кровавых брызг.

Признаться, я впечатлился. И зеленые тоже. Только что отступали, отстреливаясь, а тут заревели как стадо быков – и принялись лупить по оставшемуся живому танку из всех стволов.

Но толку из этого вышло немного. Чтобы пробить тяжелый штурмовой экзо, нужен как минимум пулемет с бронебойным патроном калибра 12,7 на 108 миллиметров – он живой танк точно прошьет. Или если стрелять обычными автоматными 5,45 – то везение. Большое. Есть у

таких экзоскелетов несколько слабых мест, но наугад в них попасть почти нереально. Потому вольные сейчас обильно поливали упакованного борга свинцом, а он только дергался как паралитик и огрызался из своего РПК гораздо более результативными короткими очередями.

Одному вольному он шею прострелил, второму – грудь разворотил. Трудно, конечно, целиться, когда тебя со всех сторон отвлекают выстрелами практически в упор, но у борга это кое-как получалось...

А потом на площадь из кустов выломилась целая рота красно-черных, и оставшиеся пятеро вольных опустили оружие. Зря, конечно. Я б на их месте стрелял до последнего и с высокой вероятностью умер от пули в череп, быстро и безболезненно. Сейчас же борги переводили взгляды со своих повешенных товарищей на пленных и обратно. Пока молча. Копили в себе то, что с минуты на минуту вырвется наружу. Ох, реально лучше б вольным сейчас друг другу черепа прострелить. Боюсь даже думать, как красно-черные будут мстить палачам...

Над площадью на несколько мгновений повисла тишина, которую прервал борг с погонами капитана на плечах.

– Не стрелять.

Это своим. И после:

– Оружие на землю.

Это понятно кому.

На разбитый асфальт с глухим звяканьем попадали автоматы.

– Хорошо, – кивнул капитан боргов. – А теперь – четыре шага назад.

Вольные переглянулись, не поняв команды. Один даже переспросил:

– Вперед?

Капитан выстрелил от бедра не глядя, и вольный застонал, схватившись за то место, где мгновение назад было его ухо.

– Кому еще слух подправить? – поинтересовался капитан боргов. – Но я сегодня добрый и для глухих повторяю: четыре шага назад.

Аргументы у капитана были весомые, и в магазине его автомата их было еще предостаточно. Потому вольные поспешили подчиниться...

Я, скрываясь за занавесом из аномальных «мочалок» и закусив до крови губу, смотрел, как они торопятся выполнить приказ. В голове билась мысль: «Не надо смотреть на такое, потом же снится будет в кошмарах», – но человек тварь любопытная, и я смотрел...

Совершенно прозрачная пустота, в которую вольные вступили одновременно, подняла их в воздух всех, разом – и медленно начала скручивать человеческие тела, словно тряпки, из которых выжимают воду. Я видел рты, разъявленные в беззвучном крике, потому что человек не может кричать со смятыми легкими, пронзенными осколками собственных ребер. Видел вылупленные шарики глаз, которые невидимая сила выталкивала из черепов, трещащих словно раздавливаемые орехи. Видел, как сломанные кости пронзают человеческую плоть и одежду, вылезая из ран, – и тут же ломаются снова, вминаясь в месиво, которое только что было человеческим телом...

А еще я видел, как во все стороны, обильно увлажняя растрескавшийся асфальт, брызжет кровь. Ее струйки вырывались из ртов, ушей, тех мест, откуда на нитках нервов свешивались остатки раздавленных глаз – и, конечно, из ран, которые довольно быстро перестали быть ранами. Когда аномалия скручивает человеческое тело в тугую мясную жгут, оно быстро становится одной сплошной кровоточащей раной...

Странно, что аномалию, питающуюся исключительно кровью своих жертв, назвали «мясорубкой». Вот реально, лучше б она рубила – в фарш, быстро, мгновенно, а не вот так, с садистским наслаждением выдавливая кровь из людей до тех пор, пока от них не останутся сухие черные жгуты...

Но это еще не все.

Когда страшная казнь закончилась, на асфальте остались пять черных клякс – места, на которые вылилось наибольшее количество крови. А над этими кляксами повисли в воздухе пять черных жгутов, которые слабо поскрипывали в тишине, повисшей над площадью, – это гигантская аномалия, раскинувшаяся рядом с ржавым аттракционом, пыталась выдавить из добычи еще хоть немного живительной влаги. Жуткое зрелище – висящие в метре над асфальтом останки людей, погибших страшной, мучительной смертью.

А потом жгуты двинулись, поплыли к ржавой карусели, за которой я спрятался. Никто не знает, зачем «мясорубка» это делает, демаскируя себя, но ей зачем-то нужно подвешивать эти ужасные свидетельства ее охотничьей удачи на ближайшее возвышенное место. Пожалуй, это единственный признак, по которому можно определить наличие поблизости смертоносной аномалии...

Жгуты плыли в мою сторону. Приблизившись к карусели, они грубо растолкали в разные стороны занавес из «мочал» и прилепились к верхнему ободу аттракциона в полуметре от моего лица. Они даже кровью не воняли – «мясорубка» высосала из них всю жидкость. Может, лишь немного тленом. Так пахнут в букинистических магазинах старые книги с переплетами из высохшей от времени, растрескавшейся кожи...

– За пацанов, – негромко произнес капитан.

– За пацанов, – эхом отозвались бойцы его отряда.

Ну да, понятно. Борги уже давно держат Припять под своим контролем и прекрасно знают расположение крупных аномалий, которые, в отличие от более мелких, редко перемещаются после выбросов. Тяжелые, ленивые – и очень жадные до живой плоти, так как чем крупнее аномалия, тем больше она жрет...

– Собрать хабар, снять наших с «чертова колеса» – и уходим, – скомандовал капитан. – До вечера нужно их доставить на базу и похоронить по-человечески...

– Погоди, командир, – произнес один из бойцов с автоматом в руках и снайперской винтовкой Драгунова за спиной. – Там, по ходу, за каруселью кто-то прячется.

Вот ведь сукан глазастый, коллега хренов! Конечно, согласно должности ему положено быть зорким, но мне казалось, что я отлично спрятался за аномальным занавесом из «мочалок» и черных жгутов, развешанных «мясорубкой»...

Получается, только казалось.

– Похоже на то, – кивнул капитан, приглядевшись. – Эй, ты, тварина зеленая. Вылезай давай.

Мне ничего не оставалось делать, только подчиниться. В одну харю с пистолетом против взвода автоматчиков много не навоюешь, потому свой «ПМ» я сразу бросил в общую кучу из автоматов вольных.

– Не густо, – хмыкнул капитан. – А чего обмундирование зашитое-заштопанное? Подмену переодеть не успел? В хозроте, что ли, числишься?

– Типа того, – отозвался я. – Дерьмо всякое по жизни вычищаю.

– Борзеешь? – участливо поинтересовался капитан. – Ладно, борзый, тебе повезло, хватит смертей на сегодня. На колени встань и поклянись, что это не ты наших ребят на колесе развешивал. Потом попроси прощения за свою поганую униформу, сними ее, брось в «мясорубку» – и свободен.

– Какая интересная многоходовая программа, – усмехнулся я. – Может, ты лучше сам в «мясорубку» бросишься – и закроем вопрос?

– Получается, не хватит, – вздохнул капитан.

Надо отдать должное, с бедра он стрелял ловко. Я даже движения руки не увидел, только вспышку – и потом сразу серое небо Зоны, так как удар пули в грудь с такого расстояния бросает на спину не хуже, чем крепостной таран.

А потом боль разорвала легкие, и я понял, что лечу куда-то...

«Неужели наконец все? – пришла вялая мысль. И сразу: – Но если меня убили, то почему я слышу, о чем они треплются?»

– Точно в сердце, – сказал кто-то. – Прямо между бронепластин. Фигею, как Шатун стреляет. Вам не целясь маслины в яблочко кладет.

– У жмура бронепластины в костюме не вставлены, – произнес другой. – Можно было просто очередью полоснуть. Шатун, а что не в «мясорубку» пассажира определил? Больно легкий трындец для зеленого.

– Сказал же, хватит жести на сегодня, – проворчал вроде как Шатун, а может, кто и еще. – Тебе б, Цыган, только людей резать, да позакывыристее, чтоб кровяшка рекой и мясо лоскутами. Ладно, пошли, дел невпроворот...

– погоди, командир, – сказал еще кто-то. – А этот из хозроты, по ходу, живой вроде.

... Я уже и сам понял, что произошло. Пуля Шатуна попала в пластину, подаренную мне Букой и уже очень давно вросшую в мое тело напротив сердца. Думаю, сейчас она ее еще глубже вбила, так как грудь болела адски и одежду в этой области к телу словно горячим пластырем прилепили. Значит, крови от того удара вытекло прилично, а ощущение полета, скорее всего, оттого, что при падении я об асфальт слегка затылком приложился.

Больше валяться смысла не было, да и головокружение вроде поутихло, потому я попытался встать. Получилось, хотя и качнуло меня пару раз неслабо. Но я усилием воли сфокусировал взгляд на стволах, направленных в мою сторону, и, скинув капюшон с головы, сказал:

– Слышь, Шатун, давай-ка на этот раз пулю в лоб. Надежнее будет. Не промахнешься?

– А ты ничего, зеленый, духовитый, – хмыкнул капитан. – Жаль, что с вольными тусуешься, а не с нами. Хрен его знает, почему тебя пули в тушку не берут, но тебе виднее, как лучше. В лоб – значит, в лоб.

Ствол его автомата приподнялся выше, но тут капитана тормознул боец с СВД:

– погоди, командир, я его знаю. Это ж Снайпер, легенда Зоны.

– Да ладно? – поднял брови Шатун. – Тот, что у нас типа гетманом был?

– Он самый, – кивнул боец. – Правда, недолго, ты как раз в то время в рейд ходил, если помнишь. Потом на него снова охоту объявили.

– Тогда, если это действительно он, завалить его просто наш долг!

– А что тогда с миллионом долларов?

– С каким миллионом? – не понял Шатун.

– Да я вчера местную радиостанцию слушал. Они говорили, мол, академик Захаров с озера Куписта обещал зеленый лям тому, кто доставит к нему живого Снайпера.

Капитан нехотя опустил автомат, задумчиво поскреб обломанными ногтями небритую нижнюю челюсть.

– Это, конечно, аргумент. А там ничего не говорили насчет мертвого Снайпера? Его труп академику неинтересен? Наслышан я об этом персонаже, и на Куписту тащить его гораздо безопаснее мертвым, чем живым.

– Насчет трупа ничего не слышал, – покачал головой боец с СВД.

– Ладно, – поморщился Шатун. – Слышь, Снайпер, подойди. Говорить будем.

Когда у собеседника в руках ствол, за его спиной вдобавок маячит вооруженная кодла, а у тебя за душой только нож внутри руки да полный рюкзак понтов, лучше придержать до лучших времен и то и другое. Ножом, даже если это «Бритва», против автоматов и пулемета много не навоюешь, а понты в деле сохранения жизни и здоровья штука крайне вредная. Потому я выживаться не стал и неторопливо направился к командиру боргов. Почему не поговорить, если предлагают, вместо того чтоб пулю в лоб всадить? Вполне нормальная себе альтернатива.

Когда я приблизился к Шатуну, нас немедленно кольцом окружили борги его отряда. На всякий случай. Вдруг предложение командира его собеседнику не понравится и он бежать вздумает. А так даже стрелять не придется, из круга ему не выйти. Борги ребята здоровые,

других в группировку не берут. Навешают несговорчивому собеседнику увесистых люлей, глядишь, и получится у него договориться с командиром.

– Короче, Снайпер, – начал Шатун. – Я про твои дела слышал, потому говорю с тобой со всем уважением. Но если начнешь барагозить – завалю и жалеть об этом не буду. За выстрел не обессудь, ничего личного, просто выполнял свой долг. Если договоримся, тебя перевяжут и накормят. Если нет – ну, ты понимаешь. Короче. Мы доставим тебя к Захарову, а ты дашь слово, что не сбежишь в процессе доставки...

Он говорил что-то еще, но я его уже не слушал. Так как невозможно вникать в то, что тебе говорят, когда у тебя люто чешется переносица. И не оттого, что ее комар укусил, а совершенно по иной причине. А именно – потому, что я чувствую, когда в меня целятся. И сейчас стрелок очень пристально смотрел на конечную точку линии выстрела, и – я уверен – палец его неторопливо выбирал слабинку спускового крючка.

Доли мгновения хватило мне, чтобы понять, где стрелок организовал лежку. Крыша девятиэтажного дома метрах в двухстах отсюда. И поскольку я разглядел блик оптики, значит, все серьезно. Не просто стрелок. Снайпер с совершенно конкретным заданием...

Я аккуратно сместился вправо, отгородившись от снайпера коренастой фигурой Шатуна, но точка меж бровями чесаться не перестала. Ясно. Стрелок «ведет» меня и вот прямо сейчас, через долю мгновения, выстрелит, пробив при этом череп командира отряда боргов. С такого расстояния пуля, выпущенная из снайперской винтовки, запросто прошьет насквозь две головы. Иначе говоря, мой трюк не удался, заслониться борговцем у меня не получилось.

Потому оставалось только одно.

Я резко двинул Шатуна в ухо, при этом сам отклонившись еще правее, – и услышал позади себя шлепок, слишком знакомый для того, чтобы я мог ошибиться.

А потом со стороны девятиэтажки раздался хлопок выстрела, резкий, как удар бича, – и всем все стало предельно ясно. Борги хорошие вояки и подобные намеки понимают с полуслова – тем более, когда их товарищ, стоявший позади меня, рухнул на асфальт, обильно sprysнув его своими мозгами, выбитыми из черепной коробки.

Это был тот самый парень с СВД, который не дал Шатуну пристрелить меня. Мне не удалось его отблагодарить, но за меня это сделала Зона. Борговец умер мгновенно, не почувствовав ни малейшей боли, – редкий подарок, которым судьба оделяет далеко не каждого.

Надо отметить, что выстрел был хорош. Если бы я не дернулся за долю мгновения до него, одной пулей стрелок сделал бы два трупа. Хотя он и так их сделал... Молодой борг от неожиданности сделал полшага не в ту сторону, и сразу же невидимая сила сбила его с ног, потащила по асфальту, выкручивая ступни, выдирая голени из суставов. Парень заорал от нереальной боли, но никто не бросился его спасать – вытаскивать попавшего в «мясорубку» бесполезно, скорее самого туда затянет. Если не знаешь, как из нее вырваться, шансов выжить нет – да и если знаешь, есть один призрачный шанс из тысячи остаться в живых. И один из миллиона – не стать при этом инвалидом...

Помочь человеку в этом случае можно только одним способом – и пулеметчик помог, короткой очередью разнеся голову боевого товарища в кровавый фарш. Отличная помощь в подобной ситуации, лучше и не придумать.

Но мне были как-то по барабану проблемы людей, только что собиравшихся меня убить. Меня больше интересовало, как выжить под прицелом снайпера, который явно охотился за мной. На открытой местности, кстати, спастись в подобной ситуации задача почти нереальная. Убегать бесполезно, как гласит бородатая шутка, умрешь запыхавшимся. Потому я выбрал единственный способ, приемлемый при подобном раскладе. А именно: зигзагом ринулся к борговскому снайперу, погибшему от случайной пули, предназначенной не ему, и, упав за труп как за укрытие, сдернул с плеча мертвеца его СВД.

Нормально получилось, при таком раскладе – лучше не бывает. Понятное дело, что оборудованная позиция стрелка на крыше наверняка козырнее моей в разы. Но если ничего не делать, то ничего и не будет интересного в жизни, кроме свинцового гостинца между бровей.

Мертвец – защита почти никакая, если стрелок находится на крыше. И я это понимал прекрасно. А еще я понимал, что снайпера интересую только я, на боргов ему плевать. О причинах такой избирательности думать было некогда, потому я совершил резкий перекаат «веретеном» вправо – и вовремя, так как пуля выбила веер асфальтовых осколков из того места, где я только что лежал. Хорошо, конечно, что это были крошки асфальта, а не мои мозги, выбитые из черепа, но что может быть хуже, как лежать на брюхе посреди открытой площади, когда на тебя ведет охоту хороший стрелок с оптикой?

Все, что я успел в процессе переката, так это рвануть вниз предохранитель винтовки и нажать на спуск, стреляя не прицельно в сторону крыши, а больше для проверки работоспособности оружия, попавшего ко мне в руки...

Однако ожидаемого выстрела не последовало. Твою ж душу, какой правильный военный оказался покойный хозяин СВД – в Зоне таскал ее на плече с недосланным патроном. Хорошо хоть магазин примкнут, уже обнадеживает. Хотя – вряд ли, так как я вновь ощутил у себя на лбу знакомую щекотку. Ну все, патрон дослать не успею, и перекаат не спасет – снайпер на крыше уже понял, что я могу выкинуть, и пули положит три подряд: в центр цели, справа и слева. Какая-нибудь из них да в меня попадет. Катайся, не катайся «веретеном» по асфальту. Во всяком случае, я бы именно так и сделал, если б работал с достойным противником...

Честно говоря, я уже с жизнью простился, но совершенно неожиданно выручил меня борговский пулеметчик. Поняв, откуда ведется огонь, он развернул свой РПК и принялся поливать крышу очередями. Так себе идея в плане уничтожить противника, но если нужно подавить цель огнем, заставить спрятаться или сменить позицию, то вполне – или же дать мне пару секунд времени для того, чтобы дослать патрон и прицелиться.

Пару секунд он мне и правда подарил, но заплатил за них большую цену. Снайпер на крыше не стал прятаться. Вместо этого он прицелился – и выстрелил. Грамотно, так как сто процентов знал слабые места экзоскелета данной модели...

Экзо был не новым, из тех, которые на Большой земле производились несколько лет назад без учета реалий Зоны. Это сейчас место сочленения шлема и корпуса производители на новых моделях прикрывают толстым «воротником» из многослойной композитной брони. А чуть раньше экзо выпускали без этих наворотов, стремясь сэкономить и одновременно облегчить и без того тяжеленную конструкцию, которую без электроприводов хрен с места сдвинешь.

Пуля ударила точно в подвижное сочленение, за которым находилась шея пулеметчика, – тот пошатнулся, выронил РПК и рухнул на колени, пытаясь бронированными перчатками зажать маленькое отверстие, из которого пульсирующим фонтанчиком вырывалась кровь.

Все это я видел лишь краем глаза, фиксируя постольку поскольку, так как основное мое внимание было направлено на крышу дома. Ошибиться было нельзя. Да, я видел вспышку выстрела, убитого пулеметчика, но снайпер мог сместиться в сторону после того, как нажал на спуск. А мне был нужен лишь один верный выстрел, так как противник точно не простит мне ошибки, которая станет в моей жизни последней. В этом я не сомневался, ибо охотился на меня настоящий профи, и сомнений в этом теперь уже точно не было. Так убить одним выстрелом бойца, упакованного в экзоскелет, мог только очень хороший специалист. Сказать точнее – замечательный! Гений своего дела, мать его, которого мне гарантированно нужно было зачистить, пока он не зачистил меня.

В снайперской дуэли, кстати, зачастую решает не меткость, не опыт и не профессиональные навыки, а интуиция. Умение понять каким-то шестым чувством, что сейчас сделает твой противник. Возможно, на какое-то неуловимое мгновение мысленно переместиться туда, на

другой конец воображаемой, но такой реальной линии выстрела, влезть в голову врага, стать им и вместе с ним сделать то, что он задумал... одновременно оставаясь самим собой, держащим в перекрестии прицела то место, где сейчас появится цель. Обязательно появится, ведь сейчас ты – это он, думающий как он,двигающийся вместе с ним, видящий в оптику противника, который в это же самое время целится в него. И в тебя...

Странное и страшное ощущение. Я был уверен, что тот снайпер испытал то же самое, но, в отличие от меня, не был готов настолько реально почувствовать себя целью. У него была примерно секунда, чтобы высунуться, выстрелить и исчезнуть вновь, ибо силуэт головы над крышей очень хорошо виден даже на фоне серого неба Зоны. Но он задержался еще на долю мгновения, когда его накрыло неизведанное ранее чувство, когда в прицеле видишь одновременно и врага, и себя...

При этом он был опытным снайпером, готовым к любым неожиданностям...

Мы выстрелили оба. Одновременно. Похоже, где-то на середине полета наши пули пронеслись рядом друг с другом, потоком раскаленного, рассеяемого ими воздуха немного отклонив друг друга от намеченного пути. И лишь потому мы с этим стрелком не убили друг друга.

Но, тем не менее, не промахнулись. Я точно знал, что попал. И куда попал, знал тоже, так как ощутил, как оба моих плеча взорвались огненной болью – и при этом я был ранен только в одно. Поверхностно. Чужая пуля лишь пробила накладку костюма и разлохматила кожу.

А вот снайперу на крыше повезло меньше...

Ощущение боли в правом плече было ярким, но мгновенным. Просто это была не моя боль, которая исчезла сразу же после того, как прервался ментальный контакт с моим несостоявшимся убийцей. При этом я знал, что некоторое время он точно не сможет на меня охотиться: когда пуля бьет в плечевую кость, все крутые цели в жизни становятся незначительными и вперед вылезает две. Главная – остановив кровь, спасти себе жизнь. И второстепенная – сохранить руку, которую при таких ранениях зачастую отрезают...

Моя беда была скромнее: удар по плечу, будто плетью хлестанули, и сразу же горячее разлилось под костюмом. Понятно. Придется шить. Или же попытаться мысленно стянуть рваные края раны – если я морду могу менять, представив кожу и кости лица мягкими, словно пластилин, по ходу, и с остальной тушкой можно творить то же самое...

Хотя, может, париться и не придется. Я медленно вставал с асфальта, оставив на нем винтовку, а ко мне направлялся капитан боргов, держа в руке боевой нож. Хммм... Если в шею всадит со всей силы, а потом рванет нож на себя, никакое усилие мысли не поможет. Я ж не ктулху, чтоб перерезанное горло отрегенировать. Придется просто сдохнуть, как нормальный человек, получивший смертельное ранение. Вполне вероятный сценарий, кстати, ибо в ухо я Шатуну залепил знатно – вон какое красное, успевшее заметно распухнуть.

Не всадил.

Подошел, внимательно посмотрел мне в глаза, словно какой-то ответ в них искал, потом одним ловким движением распорол окровавленную накладку на моем плече, пробитую пулей, рванул край разреза.

И выдал резюме:

– Царапина. Гаврилюк сейчас зашьет и продезинфицирует. Не обессудь, обезболивающего нет, закончилось. И это...

Он замялся, словно с усилием выдавливая из себя слова:

– Благодарю. Долг Жизни за мной.

Ишь ты, и среди боргов, оказывается, попадаются адекватные люди. Хотя они везде попадают, только жаль, что редко. В наше время вменяемых людей все меньше и меньше, и если такой встречается – смотришь на него как на редкий артефакт и прикидываешь, какая у него другая, негативная сторона натуры. Потому что Зона учит – артов только с положительным

потенциалом просто не бывает в природе, обязательно какое-нибудь паскудство в нем имеется. Зачастую крайне опасное для жизни.

– Долг долгом, а к Захарову все равно меня потащишь? – усмехнулся я.

– Тут уж не обессудь, хабар есть хабар, – пожал плечами Шатун. – Пацаны не поймут, если я тебя отпущу.

– Кто бы сомневался, – улыбнулся я. Благородство в Зоне имеет свою цену, и она зачастую очень невысока.

Подошел Гаврилюк, эдакая машина два на два, осмотрел рану, хмыкнул, достал аптечку, извлек из нее кривую иглу с шелковой нитью и без всякой дезинфекции воткнул в край раны. Я стиснул зубы – не иначе, этот воин на дохлых мутантах тренировался в военно-полевой хирургии.

– Узел затяни, дальше я сам, – сказал я.

– Сам себя без наркоза шить будешь? – удивился громила. – А кондрашка не обнимет?

– Не думаю, – сказал я. – У нас с этой дамой взаимная антипатия.

– Чего?

– Проехали. Иглу дай.

– Ну на. Псих.

Некоторые персонажи могут запросто рубить в бастурму других людей, но сама идея сделать себе укол повергает их в шок. По ходу, Гаврилюк был из этих, так как с расширенными глазами смотрел, как я зашиваю рану простым обвивным швом. Занятие и правда болезненное, особенно когда протыкаешь кожу и нитку тянешь. Но если не делать из этого трагедию, то терпимое. Главное, протыкать резко и тянуть нить плавно, без рывков. Шелковая нить в этом хороша, легко скользит по крови. А вот когда суровой ниткой шьешь за неимением лучшего, тогда, конечно, ощущения более экстремальные.

Закончил я за несколько минут, после чего попросил Гаврилюка затянуть второй узел и обрезать нить, что тот сделал с некоторым почтением.

– Круто, блин, – прогудел борговец, пряча аптечку в нагрудный карман. – Я б не смог. Пулю из себя как прыщ выдавливал, было дело. Но самому себя шить без наркоза – это ватще край. Иди к нам в «Борг», наши пацаны уважают таких больных на голову.

– Это вряд ли, – хмыкнул я. – Меня ваш командир уже в хабар определил, решил продать за хорошие бабки.

– Жалко, – вздохнул Гаврилюк. – Но, сам понимаешь...

– Хабар есть хабар, – продолжил я. – Понимаю, не парься. Во всем мире хорошо если один процент наберется тех, кто родного брата за лям баксов не продаст, не то что левого чувака. Так что все в порядке.

– Ну, один процент – это ты загнул, – глубокомысленно заметил борговец. – Я б не продал. Правда, у меня брата нету.

– Легче всего не соглашаться на сделку, когда нет ни товара, ни покупателя, – хмыкнул я.

Пока мы с Гаврилюком беседовали за жизнь, борги сняли своих с «чертова колеса», положили их рядком рядом с убитыми в бою, предварительно сняв со всех мертвецов дорогостоящие черно-красные костюмы. Вполне в духе боргов. Это вольные вешали врагов в их шмотье, чтоб все видели, кого они повесили. У черно-красных к хабару иной подход. Эти погадят и оглянутся, нельзя ли чего прихватить, а то мало ли, вдруг пригодится.

Шатун произнес короткую речь, что-то о чести, долге и, на мой взгляд, сомнительном счастье помереть за группировку. Постояв минуту над трупами со скорбными физиономиями, борги деловито покидали своих мертвецов в «мясорубку», которая с явной неохотой скрутила тела в черные жгуты – эти аномалии мертвечиной питаются неохотно, особенно когда сытые. М-да, интересно, конечно. Сначала вроде бы борги собирались мертвецов на базу тащить, чтоб похоронить по-человечески, но с появлением перспективы получить миллион долларов планы

отряда резко поменялись. Хотя в условиях Зоны такие похороны, на мой взгляд, оптимальные: были случаи, что даже очень глубокие могилы мутанты раскапывали по ночам, чтобы пожить мертвечиной.

– Переоденься, – кивнул Шатун на гору шмотья, снятого с покойников. – А то на твоём тряпье живого места нет.

Щедрый подгон с учетом того, что борговский облегченный бронекостюм стоит недешево, а двое бойцов уже копали под «чертовым колесом» место под схрон – командир вполне мог бы весь хабар занюхать до лучших времен.

Но, видимо, остатки совести у Шатуна имелись. Совсем немного, на доньшке. Понятно, что Захарову за лям баксов Снайпер нужен не для того, чтобы с ним чай гонять, а, скорее всего, чтоб распорядиться приобретением так же, как планировал клан якудзы Ямагути-гуми. А именно: расчленив шибко удачливого сталкера-мутанта на фрагменты и из тех фрагментов создать непобедимую, послушную армию. Потому сейчас Шатун пытался договориться с теми остатками совести, что слегка поскребывали душу изнутри. Ничего, командир боргов. Ты воин сильный, привычный добивать поверженного врага. Думаю, и с недодавленной совестью своей вскоре разберешься. А пока грех не воспользоваться предложением – тем более что мой шмот и правда уже разваливался, плюс рукав, разрезанный вдоль от плеча до локтя, и подавно переводил его в разряд тряпья.

Мне прям реально повезло. В куче трофейного оружия и снаряжения, снятого с покойников, лежал практически новый красно-черный костюм, даже с бронепластинами, которые некоторые самоуверенные вояки достают и выбрасывают ради снижения общего веса экипировки. Заблеван слегка, правда, – видимо, перед тем как повесить пленного, его допрашивали с пристрастием. Но ткань у такой снаряги отличная, водоотталкивающая, отмою в ближайшем ручье. И берцы нашлись точно моего размера. Не такие новые, как костюм, немного разношенные, но и это в плюс – не придется нулевой обувью мозоли натирать.

Пока я снимал свой изрядно убитый костюм «Воли», а после надевал почти новый борговский, Шатун руководил процессом создания схрона.

– Командир, может, хватит уже? – поинтересовался один из бойцов, махавших малыми саперными лопатами.

– Комай глубже, – приказал Шатун. – Надо все спрятать.

– Да на фига все-то? – взбрыкнул второй. – Пулемет вон доброго слова не стоит, и хрен его восстановишь – газтубу оторвало нах, коробку осколком смяло. За каким хреном закапывать это барахло?

– Кузнецы все восстановят, – отрезал Шатун. – Вернемся, выкопаем, отнесем им на болота – все сделают, только плати. Они из любого металлического хлама такое откуют – закачешься...

– Ну что, переоделся, – поинтересовался подошедший ко мне Гаврилюк.

– Типа того.

– Добре. Тогда давай руки.

Ну да, конечно. Благородство благородством, но теперь я пленный, хоть и в костюме группировки. Ладно, спорить бесполезно, по ходу дела что-нибудь придумается.

– Банкуй, – усмехнулся я, протягивая вперед руки. У каждого вояки на такой случай имеется связка пластиковых наручников, которые при определенной сноровке вполне можно разорвать или разрезать ботиночным шнурком. Так что пусть вяжут, разберусь как-нибудь, когда дело дойдет до побега из плена.

Но все оказалось печальнее.

– Повернись.

Я покосился вправо, влево. Борги оторвались от своих дел и держали автоматы на изготовку. Плохо.

Я повернулся, и тут же на моих запястьях защелкнулись стальные наручники. Сила у борга была медвежья, плюс паковал он быстро, со знанием дела – не иначе, бывший полицейский. Но на этом дело не закончилось. Вдобавок борг стянул специальным пластиковым хомутом мои большие пальцы.

– Не обессудь, – прогудел он мне на ухо. – Говорят, у тебя какой-то супернож в руках имеется, которым ты че хошь разрезать можешь. Поэтому перестраховаться пришлось.

Ну да, лихо. Молодец Шатун, Гаврилюк сам бы до такого не додумался. И правда, в таком положении я «Бритвой» ничего не сделаю – мой нож меня не режет, и потому он даже из руки не сможет вылезти, так как ладони у меня плотно прижаты друг к другу.

А Шатун между тем беседовал по рации, видимо, с руководством.

– Так точно, преследуем противника. Направление – озеро Куписта. Есть докладывать о любых изменениях обстановки. Конец связи.

Ясно. Теперь ничто не мешает Шатуну доставить меня куда он наметил. Блин, если выживу, то перед тем, как завалить Макаренко, хорошенько морду ему разобью. После того, что он сделал, просто пуля в лоб будет для него слишком роскошным подарком.

* * *

Рука висела плетью, словно не своя. Он ее вообще не чувствовал, что и не удивительно после двойной дозы мощного обезболивающего. Оно, конечно, побочным эффектом вогнало в легкую эйфорию, но сталкер не обольщался насчет своего будущего.

Свалить удалось без проблем, борги даже погоню не организовали. Но на этом светлые моменты закончились. Пуля пробила защитный наплечник, расколола плечевой сустав и застряла в ране. И что делать, когда ты в такой ситуации здесь, на зараженной земле, вдали от цивилизации и больниц с опытными хирургами – хотя даже они вряд ли соберут сустав, разбитый на множество фрагментов? Тут проще руку отрезать на фиг. А если это сделать некому, то оптимально достать пистолет, приставить ствол к виску и одним движением указательного пальца решить проблему. Потому что через час-полтора действие препарата пойдет на убыль и даст о себе знать мясо, проткнутое осколками костей. А это очень и очень больно...

Правда, был еще один выход, думать о котором не хотелось. Потому что слишком высока могла быть цена за такое решение возникшей проблемы. Какой будет эта цена, сталкер не знал, но был уверен – мало не покажется. Может, и правда лучше не морочиться, расстегнуть кобуру, благо здоровая рука позволяет, и...

Но человеку всегда свойственно надеяться на лучшее – и бояться смерти. Чувшь, что кто-то ее не боится. Просто некоторые на адреналине, на кураже, сходном с приступом безумия, могут о ней забывать на время. Но потом, когда остынешь после боя, страх возвращается. Любая живая тварь жить хочет, а разумная тварь – тем более.

И сейчас, сидя в темном, сыром подвале девятиэтажки в луже собственной крови, сталкеру очень хотелось жить. Как угодно. На любых условиях. Даже таких, по сравнению с которыми смерть – гораздо лучший выбор.

Мысленно ругая себя за слабость, сталкер включил электрический фонарь, потом потянулся к контейнеру на поясе, открыл его и вытащил кристалл, слабо мерцающий странным серым светом. Может ли быть свет серым? Наверное, нет, но этот артефакт излучал именно такое сияние, по-другому и не назовешь. На несколько сантиметров от него разливалась некая субстанция, окрашивающая близлежащее пространство в антрацитовый цвет, и сейчас пальцы сталкера, держащие артефакт, выглядели будто отлитыми из титана.

Он был очень красив, этот кристалл, размером не больше указательного пальца. Внутри него медленно двигались волнистые линии. Темные и более светлые разводы причудливых форм плыли, будто в аквариуме, пульсировали, сплетались, словно змеи... На это заворажи-

вающее движение можно было смотреть вечно – и сталкер знал, что некоторые несчастные так и оставались на месте, держа в руке артефакт и не мигая глядя на него уже ничего не видящими глазами. Он и сам забрал этот кристалл из руки мумии, которая рассыпалась в пыль от прикосновения. Страшный арт, высасывающий жизни из своих хозяев. Но смотреть было необходимо, чтобы наладить контакт – и не пропустить момент, когда кристалл начнет подавлять твою волю. Иначе смерть. Мучительная? Скорее всего, да. Точно не знал никто, потому что никто еще не рассказал о своих ощущениях после того, как артефакт подчинил их себе. Мумии говорить не умеют...

Но сталкер был настороже. И как только почувствовал, что его начало затягивать в эту пляску малахитовых нитей, с усилием оторвал взгляд от кристалла, приложил его к открытой ране в плече, из которой еще сочилась кровь, и произнес лишь одно слово:

– Вылечи.

После чего сталкер отпустил артефакт, который моментально, как вампир, прилепился к ране, и свободной рукой подтянул к себе СВД. Подходящей палки или куска доски, как назло, не нашлось, но сталкер зажал в зубах нижнюю часть приклада скелетной конструкции, который очень хорошо подошел для задуманного.

И вовремя!

Кристалл не мог не выполнить приказ, отданный лаконично и не подразумевающий иных толкований. Но он был разозлен потерей добычи, и даже подпитка свежей, теплой кровью ничего не меняла. А может, он не мог испытывать эмоции, а просто питался чужой болью, – кто ж поймет эти удивительные и жуткие порождения Зоны?

И боль пришла.

Безумная.

Нереальная.

На которую сознание немедленно отреагировало провалом в забытье... из которого его немедленно выдернули обратно. Кристаллу требовались эмоции, и он был не согласен работать бесплатно...

Сталкер завыл, забился в конвульсиях, и если б не приклад винтовки, точно переломал бы себе все зубы челюстями, сведенными судорогой. По его подбородку текла пена вперемешку с кровью, выступившей из десен, скрюченные пальцы скребли бетонный пол, все тело била крупная дрожь. Он уже жалел, что поддался минутной слабости и не решил дело одним выстрелом – потому что кристалл заставлял его чувствовать все, что он делал.

А делал он это так, чтобы причинить максимальную боль.

Сталкер чувствовал, как внутри плеча разворачивается пуля и медленно ползет к входному отверстию, по пути разрывая раневой канал и грубо расталкивая осколки кости. Крайне медленно, словно чертов артефакт не просто питался эмоциями, а и получал от них садистское удовольствие...

Наконец пуля вывалилась из раны и с глухим стуком упала в вязкую лужу свежей крови, смешавшейся с запекшейся, вытекшей ранее. И тогда внутри тела начали хаотично двигаться обломки кости, попутно разрывая уцелевшие мышечные волокна, словно ребенок пытался собрать сложную головоломку, но получалось у него это из рук вон плохо...

Сталкер сидел, вжимаясь спиной в сырую стену подвала, и думал, думал, думал о том, как его зубы погружаются в приклад, перемалывают его, перекусывают пополам... Это помогало отвлекаться от того лютого кошмара, что творился у него в плече. Потому что боль за ушами от непомерно сжатых челюстей, от ногтей, обломанных об пол подвала, была просто ничем по сравнению с той болью, что доставлял ему проклятый арт. И как-то защититься от нее можно было, лишь обманув мозг, насильно переключив его на что-то другое...

Наконец все закончилось.

Почти все.

Потому что, когда желание выполнено, чертов кристалл, напитавшийся кровью и энергией страдания, мог начать выполнять уже свои прихоти.

Превозмогая лютую слабость, сталкер усилием воли разжал зубы, выпустив из них приклад винтовки, дотянулся до фонаря и повернул его луч себе на плечо.

Так и есть. Кристалл уже наполовину врос в его тело. Еще немного, и он проникнет в него целиком. Потом неторопливо доползет до мозга, внедрится в него – и тогда человек станет послушной куклой. Страшной куклой. Хитрой и предельно жестокой, которая, несмотря ни на что, пойдет к одной-единственной цели, интересной для этого артефакта...

Этого нельзя было допустить. Потому сталкер, обливаясь потом от нереальной слабости, вытянул руку – и из его ладони неторопливо выполз нож со странным клинком, цветом схожим с артефактом, довольно быстро растающим в плечо человека. На графитово-серой поверхности клинка были видны линейные узоры, очень похожие на те, что змеились внутри артефакта. Причем эти тончайшие линии тоже двигались – хотя, может, это лишь казалось при слабом свете фонаря, у которого явно заканчивалась батарейка.

Сталкер поднес кончик ножа к артефакту и принялся вырезать его из собственного тела. Арт, почуяв неладное, попытался побыстрее погрузиться в человеческую плоть, но у него ничего не вышло – резко выдохнув, сталкер воткнул нож глубже, подцепил кристалл и выковырнул его из своего плеча.

Недовольно мерцая, арт скатился в подставленную ладонь той руки, что совсем недавно висела плетью и ничего не чувствовала. Измученный сталкер усмехнулся и еле слышно прошептал:

– Что, выкусил, сволочь? Не сегодня.

После чего засунул арт в контейнер, захлопнул крышку и тут же отрубился. Слишком много испытаний нынче выпало для этого человека, пусть даже экстремально волевого и сильного духом. Воля волей, но когда организм предельно истощен, единственный выход для него – это провалиться в спасительный сон, беспробудный, как общий наркоз во время хирургической операции.

* * *

Видно, что Шатун привык свои дела делать быстро, расчетливо и качественно – потому и в Зоне выжил, и даже командиром отряда стал. Из Припяти мы вышли путями, ведомыми одному командиру отряда. Шли меж пятиэтажек, где обычно любят прятаться аномалии – и где сейчас их не было. Миновали густо заросшую кустами баскетбольную площадку по практически невидимой тропке, где справа и слева мерцали голубыми огоньками лужи «ведьмина студня» – сделай шаг в сторону, наступи в эту безобидную с виду субстанцию – и все. Считай, нашел сталкер свою судьбу. Нога почти сразу станет как палка из мягкой резины, хоть в узел ее завязывай. А лучше, чем такими узлами развлекаться, сразу головой макнуться в ту лужицу. Говорят, смерть безболезненная. Ученые у одного такого сталкера, упокой его Зона, как-то мягкую башку разрезали – а там нет ничего. Ни костей, ни мозгов, одна сплошная однородная масса. С виду вроде нормальная голова мертвого человека, а внутри – как мяч, отлитый из резины.

Шатун предупредил, мол, идти надо за ним след в след – и ничего, нормально прошли опасную территорию, находящуюся под контролем вольных. Но зеленым на фиг не надо соваться в такие опасные места, потому мы, лавируя меж густыми кустами в полтора человеческого роста высотой, проскользнули, считай, у них под носом. И дальше шли в том же духе, пока не добрались до окраины города.

Тут уже полегче стало – хоть к вольным постоянно прибывало пополнение с Большой земли из желающих быстро разбогатеть, личного состава у них все равно не хватало на то,

чтобы оцепить всю Припять. Потому из города мы вышли без проблем – и двинули дальше, в сторону Рыжего леса.

Когда проходили мимо бара «Янов», услышали доносящийся оттуда многоголосый отборный мат и смачные звуки ударов – с таким сочным шлепком обычно кулак врезается в откормленную харю. Потом треск раздался, за ним вопль – по ходу, кому-то табуретку об хребет сломали. И почти сразу – выстрел. И еще один. И следом – автоматная очередь.

– Реально проклятое место, – проворчал Шатун. – Как ни приди – новый бармен и новые рожи за столиками. Старых или всех перебили, или пинками повыгоняли те, кому не понравилась хлебальники старых посетителей.

– Как в жизни, – ощерился борговец, подобравший СВД после того, как меня запаковали в наручники. – Новая метла по-новому метет.

Раздался еще один вопль, одно из стеклянных окон «Янова» взорвалось каскадом разбитых осколков, следом за которым из него вывалился незадачливый посетитель и рухнул на спину. В окровавленном лице посетителя торчала «розочка» – горлышко разбитой бутылки с острыми краями. По ходу, кто-то ловко и грамотно разбил бутылку о край стола, краем острого и длинного осколка перерезал горло своей жертве, после чего вонзил ей «розочку» в глаз и вытолкнул из окна.

– Хреновая смерть, – мимоходом бросил Шатун. – Я всегда говорил, что алкоголизм до добра не доводит.

С этим трудно было не согласиться. Не пошел бы этот персонаж, дрыгающий ногами в агонии, сегодня в бар за порцией местного самогона, глядишь, жил бы себе да поживал до глубокой старости. Хотя это и к подавляющему большинству сталкеров относится – не пошли б в Зону, остались бы живы. И в данном случае алкоголизм совершенно ни при чем.

Между тем Шатун пер прямо в Рыжий лес. Интересно, самоубийца или слово какое знает против живых ветвей и ктулху, для которых это скопище зараженных деревьев – дом родной?

Во время взрыва на ЧАЭС в восемьдесят шестом году по лесу возле Янова хлестанул мощнейший выброс радиоактивной пыли, в результате чего деревья погибли, а их листва окрасилась в кроваво-бурый цвет. Ликвидаторы последствий аварии тот зараженный лес снесли и закопали, но это не помогло – он вырос вновь, но теперь деревья в нем были живыми. В буквальном смысле – живыми и питающимися не только соками земли, но и кровью пойманных ими людей и мутантов. К слову, они не всегда активные, обычно после выбросов в Рыжий лес лучше не заходить. В остальное время смертоносные гибкие ветви медленные и не особо опасные.

Но не сегодня.

Я это видел по мере того, как мы подходили ближе. Сейчас Рыжий лес был готов порвать любого, кто рискнет в него сунуться. Ветви изгибались, тянули к нам свои щупальца, и их рыжая листва мелко тряслась, будто дендровампире не могли сдержать предвкушения скорого пиршества.

Правда, ктулху деревья-кровопийцы почему-то не трогали, и эти самые опасные хищники Зоны жили в Рыжем лесу как у себя дома. И сейчас командир красно-черных вел свой маленький отряд прямо в это паскудное место.

Оказалось, Шатун и правда знал способ, как невредимыми пройти опасный участок Зоны. Сунув руку в обширный боковой карман штанов, он вытащил редкий трофей – кожу ктулху, целиком снятую с его головы и искусно выделанную, иначе б она просто в карман не поместилась. После чего командир боргов натянул ее себе на голову, словно балаклаву, и шагнул под сень живых ветвей Рыжего леса.

Трюк удался.

Ветви метнулись было к добыче – наверняка на тепло среагировали, – но, коснувшись гладкой кожи мертвого мутанта, резко потеряли интерес к Шатуну, отпрянув в сторону.

– Быстро за мной, – бросил Шатун через плечо – и углубился в лес.

Шел он широким шагом, ловко огибая деревья, больше похожие на гигантских осьминогов с телом-стволом и ветвями толщиной в три моих руки каждая. И что интересно, эти ветви больше на него не реагировали. И на нас – тоже. Наверняка корни Рыжего леса сплелись друг с другом в некую экосистему, наподобие нервной, что помогало обобщать опыт. Если одно дерево погладило Шатуна по башке и решило, что это ктулху, остальным было ясно, что кушать борга нельзя, как и его семейку, которая шла за ним. За время пути так, пару раз еще аккуратно коснулись кончиками листьев искусственной лысины командира отряда – чисто для контроля, – и на этом дело закончилось. Вот уж не знал, что через хищный лес можно путешествовать подобным образом. Век живи – век учись.

Похоже, Шатуну было не впервой ходить через эти места. Мы шли заметной тропинкой, протоптанной в хилой серой траве Зоны, – и шли довольно быстро. Так то, если пересекать этот опасный участок Зоны по направлению от Припяти к озеру Куписта, протяженность Рыжего леса невелика – километра полтора от силы. И поскольку шли мы проторенной тропой, то примерно через полчаса чащоба сменилась редколесьем – то есть скоро мы должны были выйти на открытую местность и вздохнуть относительно спокойно...

Но вздохнуть не получилось. Так как Шатуна вдруг приподняло в воздух и нехило так шарахнуло о сосну, скрюченную от радиации.

– Что за нах? – выдохнул у меня за спиной Гаврилюк. – Аномалия?

Однако я знал, что это была не аномалия...

– Стреляйте, мать вашу! – взревел я, падая на колени – если идущие за Гаврилюком бойцы последуют моей команде, не хотелось бы оказаться на линии огня.

– Дык куда стрелять-то?

...Они не видели. А я – видел. Но лишь потому, что знал, куда смотреть и что там должно быть.

И оно – было. Студенистый, практически прозрачный силуэт очень высокого и мускулистого человека, сквозь который были видны стволы деревьев.

Но это был не человек, а тварь, убить которую из ручного стрелкового оружия крайне сложно. Практически нереально – если, конечно, не знать, куда стрелять, и не долбить туда прицельно. Что, кстати, было непросто, так как в сложной ситуации тварь умела обесцвечивать свое тело, становясь практически невидимой.

– Руки! – заорал я. – Освободи мне руки!!!

– Не положено, – проговорил Гаврилюк. – Командир скажет, тогда...

Речь Гаврилюка я слушал, уже падая набок, так как практически прозрачный силуэт двинулся в нашу сторону.

Он не торопился. А чего спешить, когда добыча – вот она, теперь уже никуда не денется. Медлительная, бестолковая, доступная. Подходи, бери сколько нужно, ешь... А точнее – пей, так как эти монстры Зоны хоть и умеют есть мясо, но предпочитают ему свежую кровь.

То, что ктулху – а это был именно он – выпьет всех нас, я не сомневался. Двухметровый взрослый мутант запросто осушает несколько человек, после чего уходит, поддерживая лапами раздувшееся брюхо и оставив за спиной несколько обескровленных трупов. И, что самое паскудное, шансов выжить у меня не было – слишком уж основательно зафиксировал мне запястья здоровенный, но туповатый борговец, который сейчас бестолково вертел головой, пытаясь понять, что за неведомая сила так эффективно вырубил командира и куда по этому поводу надо стрелять.

А я думал...

Думал о том, что если «Бритва» в моей руке находится в состоянии полужидкой субстанции, то обязательно ли через ладонь она должна выходить наружу? Просто я привык, что нож

извлекается из моей руки именно таким образом, но, может, можно его достать и как-то по-другому?

И я, закрыв глаза, принялся представлять, как клинок цвета ночи вылезает у меня из середины предплечья... И немедленно непроизвольно заскрежетал зубами от невыносимой боли. Ощущение было, что у меня на живую, без наркоза вытаскивают из руки лучевую кость. В глазах потемнело, я был реально готов потерять сознание и удерживал его только усилием воли, чувствуя, как из моей руки, раздвигая мясо и кожу, лезет наружу сгусток дикой, концентрированной боли.

Выход «Бритвы» через ладонь был болезненным, но к той боли я уже привык, и все проходило как бы по накатанной. Сейчас же мой нож шел новым путем, куроча мою плоть и раздвигая кости, словно ледокол, проламывающий себе путь через ледяные торосы.

И при этом мне еще нужно было сохранять контроль движения клинка, чтобы он шел куда нужно, и подгонять мысленно: «Быстрее, мать твою, шевелись, иначе сейчас твои живые ножны подохнут на хрен!»

«Бритва» и правда будто пинок получила – задвигалась шустрее, и я почувствовал, как распадаются наручники на запястьях. Правда, боль в предплечье меньше не стала – по ходу, сейчас из него рукоять выходила. Да бллллиииин!!! Когда ж это закончится?

Над моей головой застучал автомат – видать, Гаврилюк наконец рассмотрел противника. Правда, очередь тут же и прервалась, и следом рядом со мной плюхнулась нехилая гора безжизненного мяса. Да уж, лесной кровопийца если ударит, то это смерть на девяносто девять процентов. Там силища нечеловеческая...

А «Бритва», между тем, из моей руки вышла полностью, и до хомута, стягивающего пальцы, лезвие не достало. Совсем немного, думаю, пары сантиметров не хватило. При этом я ощущал кончик клинка ножа, зажатый между ладонями, и понимал: еще мгновение, и нож упадет на землю. А еще я видел ноги ктулху, который, поймав туловищем очередь Гаврилюка, утратил невидимость, что, впрочем, нисколько не мешало ему оставаться совершенной машиной убийства. Регенерация у ктулху бешеная, и автоматные пули им особого вреда не наносят – поврежденные ткани моментально восстанавливаются. Потому, чтоб завалить этого монстра, нужно стрелять в него из нескольких стволов одновременно, дабы регенерация не успевала за наносимым ущербом. Или всю очередь в башку выпустить, что во время боя практически невозможно – ктулху тварь не только сильная, но и экстремально шустрая, которая не будет стоять на месте и ждать, пока ты опустошишь свой магазин.

В общем, у меня была секунда, чтоб принять решение до того, как монстр расправится со мной как с более легкой добычей, валяющейся под ногами. Да, его с двух стволов поливали свинцом оставшиеся члены небольшого отряда, но надолго ли их хватит? Сейчас у боргов опустеют магазины, и ктулху, метнувшись вперед, посворачивает им головы – а перед этим, разумеется, одним ударом ноги раздавит мне голову. Просто чтоб не оставлять у себя в тылу хомо – пусть связанного, но еще живого, а значит, опасного.

И тогда я рванулся изо всех сил, чувствуя, как проклятый пластиковый хомут тут же врезался в пальцы, просек мясо, уперся в кости – и лопнул, потому что рывок был и правда мощным. Кровь немедленно хлынула из моих больших пальцев, но это было уже неважно и не особо больно на фоне той боли, что не успела утихнуть после выхода «Бритвы» из предплечья. Да и не до переживаний по поводу боли было, потому что ктулху уже занес ногу над моей головой...

Однако инерции моего безумного рывка хватило, чтоб я, добавив скрутку телом, резко перекатился вбок – и прямо перед моим лицом в землю врезалась когтистая лапа, одного удара которой хватило бы, чтоб моя голова лопнула как воздушный шарик.

Но теперь в моей руке была «Бритва», рукоять которой я поймал липкими от крови пальцами и сжимал изо всех сил, чтобы она не выскользнула из руки. И когда в десяти сантиметрах

от моих глаз появилась лапа ктулху, я из положения лежа наотмашь рубанул по ней ножом – и сразу же, крутанувшись несколько раз, откатился в сторону, понимая, что сейчас будет.

Жуткий, нечеловеческий рев разнесся над лесом. Оно и понятно. Мой нож, способный прорубать проходы между мирами, сквозь плоть и кость прошел так, будто их и не было. И когда ктулху поднял ногу вторично, чтобы еще раз ударить вертлявую жертву, то нога-то поднялась, а вот ступня осталась стоять на земле. И какая б у тебя ни была бешеная регенерация, с ходу отрастить кусок конечности никак не получится. А еще, хоть у ктулху и очень высокий болевой порог, думаю, потерять ступню – это все-таки больно. Как и наступать на свежую культю. Ктулху попробовал, опустил обрубок ноги на землю – и, не выдержав экстремальных ощущений, упал. И пополз ко мне, растопырив лицевые щупальца, вылупив белые глаза без зрачков и ревя как бегемот.

Жуткая картина, если честно, но я такое уже не раз видел. Потому, поднявшись из положения лежа на четвереньки, рубанул «Бритвой» по выброшенной вперед когтистой лапе.

Попал.

Отвалилась лапа так же, как и стопа до этого, спасибо моему ножу. Мутант же, потеряв равновесие, ткнулся башкой в серую траву.

И тут я ударил еще раз. Сверху вниз, словно бревно рубил.

И на этот раз тоже не промахнулся.

Клинок «Бритвы» рассек морду ктулху надвое, как раз между глаз прошел. Я же, не останавливаясь, ударил еще раз – и череп монстра развалился на две половинки.

Все. Теперь можно быть точно уверенным, что эта паскуда не оживет.

Повезло мне еще раз? Наверно, да. Многие говорят, что у меня уровень личной удачи зашкаливающий. Может, и так. Хотя если б я плюнул на все и лежал себе, ожидая, когда лапа ктулху вобьет мою башку в землю Зоны, то на этом моя удача бы и закончилась. Кто не вертится, как карась на горячей сковородке, уходя от ударов судьбы, тому и везет как утопленнику.

– Это ты точно сказал, – раздалось сверху.

Я поднял голову.

Рядом со мной стояли двое боргов – из тех, что сначала шли позади нас с Гаврилюком, а потом пытались стрелять в разъяренного мутанта. Разумеется, безуспешно, потому что в грудь ктулху палить бесполезно. Только в башню. Молодые еще, стреляют туда, куда могут попасть, а не туда, куда надо.

А я, получается, вслух размышлял. Опять расфилософствовался после боя, а может, и во время тоже. Со мной это бывает. Нормальные люди орут с перекошенными рожами, адреналин вырабатывают, а я какую-нибудь философскую пургу мету, получается, не всегда мысленно, иногда и вслух. М-да. Вот уж точно, каждый по-своему с ума сходит.

– Лихо ты мутанта разделал, – продолжил борг. – И это... Благодарим. Думаю, кранты б нам, если бы не ты.

– Обращайтесь, – сказал я, морщась от боли, так как попытался большие пальцы согнуть. Гнутся, хоть и хреново, но это – хорошо. Сухожилия хомут не перерезал, ну и ладушки. А мясо и кожа нарастут.

– Ну ты это, вставай, – сказал красно-черный, вытаскивая из чехла на поясе новые наручники. – Идти надо.

Я внимательно посмотрел на него. Ну да, благодарность благодарностью, но миллион долларов – это миллион долларов.

– А не пошел бы ты на хрен.

– Это ты зря, – сказал борговец, направляя на мою ногу ствол автомата. – Я могу и без браслетов обойтись. Колени прострелю, носилки мы соорудим и за лям баксов уж как-нибудь до Куписты тебя дотащим. Просто геморроиться неохота. Ну как, сам пойдешь в браслетах или на носилках прокатишься?

– Ладно, убедил, – сказал я, поднимаясь на ноги.

– Молодец, – кивнул борговец, кидая мне наручники. – Только нож свой не трогай, ладно? Чтоб непоняток между нами не было, а то мало ли. Сам понимаешь, ничего личного, просто бизнес. Упаковывайся, и пошли.

– Ключ дай, – сказал я.

– Чего?

Я показал ему руки, на которых были защелкнуты старые наручники с перерезанной соединительной цепочкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.